

Рис. 173 1838. n

173

PL 509

11

10115

1750

Р. 309 3 с. Р. 79 173 / 1838. 1
II

ШУМИЦА

ГАЙДУГИ

НАСАЂЕНА И ПОДРАНЂНА

ДАНИЛОМЪ МЛАДЕНОВИЋЕМЪ

закл. Мађарски Права Адвокатомъ.

(Das Wäldchen)

Ср. 1036 У БУДИМУ,

Писмени Краљ: Всеучилишта Пештанског. 1838.

ИИ

„Да трудне стазе! утѣхе скупе! на
Што?“ Цѣлость свѣта, цѣлость живота,

пакъ

И цѣлость общег' блага силно
Иште од свакога, промысао

*

Ком' даде већу снагу. Та рођени
Мы ниємо сами себи: — —

Лукіанъ Мушицкій.

ПОШТЕНОРОДНОМ ГОСПОДАРУ

МАРКУ ИВАНОВИЋУ

КУПЦУ СТАРО ПАЛАНЧКОМЕ

а

МОМЕ ВЕЛИКОМ БЛАГОДЬЮ.

ЛЮБЕЗНИ И МЕНИ ВИСОКОПОЧИТАЕ-
МИ ГОСПОДАРУ!

Я сам се, од дѣтинства искренно
пуятельство и жарку любовь како у
Вашем Дому тако и ван Дома
уживаюћи уверю, да сте Ви мой, и
мое среће Благодѣтель и найвећи До-
брожелатель. Примите дакле усердно,
овай мой мали даракъ, Имену Вашем
посвећен; и уверени будите, да вас
я сердцемъ у духомъ искренно любим
и почитуем, надаюћисе да ћете и Ви
мене у доякошньої нѣжной любви за-
држати. С' почитаніемъ любећи Вам
десницу остаем

У Пешти 1-о Августа 1838.

нижайши слуга
Даніиль Младеновиѣ
зак. краль. таб. Адвокатъ.

ПРЕДГОВОРЪ.

Ево ти драги Читателю! Шумице на забаву ума твоего, труди се по могућству сила твои добро разумети ме, ербо е то моя едина желя была, због кое сам се трудо теби двери шумице мое отворити, да се по нъой проодаюћи, у оне исте мисли заведеш, у којима сам се я садећи ю налазио. Трудисе велим разумети ме, и то подпуно и савршено; ербо сам я у томе уверен, да већа часть Читатееля само зато чита, баяги да се покаже пред другима да и она кнъиге чита. Ово ти за то напомињм да не читаш тек обичая ради, но да се ползуеш, а то 'ћеш само тим начиномъ учинити моћи, ако будеш мой искренни судаць. Но ако си рад таковим се заслужно назвати, то се с' моим гласодушиемъ и намеренѣмъ сдружити, а свойственосћу обвладати мораш. Но не мой да повичем: забога! какав е то судаць, кад хвали управо оно, што би я сам желіо кад би могао уништожити. — Чувай се да онде изредне мисли не наћеш, гди я можебыти изсмеятелно говорим. — Труди се выше погрешке ми осудити, него лепоту похвали-

ти, ербо ћеш ме с' тим већма у савршенство доводити. Ако ме тако узчиташ, као што ти препоручуем, тада 'ћу безбрижно, ма ми све око ушию пуцало, веран своіой собственой осведочности, уверен од мога правога сердца, осуђен чрез строги судъ најправеднии Мудросудаца, поправлѣн чрез твое праведно оклеветанѣ за моимъ посломъ безбрижан ходити, трудећи се, како би у напредакъ тако се усавршенствово да не будем предметъ твог праведног оклеветаня.—

Я ти ово говорим Читателю као Србину, а то зато; ербо сам и сам Србинъ, и препоручуем, да ако што лепо нађеш или добро то лепоту загрли; ербо є лепа а доброту; ербо є добра, а оба због битног союза природе, кои є двостручни изворъ човеческог а стим и Србског благополучія.— Я сам уверен напред, да 'ћеш ме осудити зато, што сам по законима Србскога Словолюбія (Philologia) и по природи нашега езыка, ново правописанѣ употребію, шта выше то 'ће ти се чинити, баш да ме праведно осуђуеш.— Но ніе тако.— Нама є свима познато да Єзыкословнице немамо, зато се опет стидимо признати да Правописанія за наш Србски езыкъ немамо. Ево како є наш законъ ума и мисленя сирома-

шан, а к' томе јошт продрзљив, да се усугује од списатееля захтевати да сви едногласно правописаня правила у писаню наблюдаваю. О предразсудни Сербине, кад 'ће ти се силе словолубног ума толико само развити, да познаш разлику између Славенског' и Сербског' езыка, да се увериш, да ћеш с' простогласним писменомъ лакше и дете читати научити, кад 'ћеш кроз наочаре разума погледати, да слѣдства ове оскудности увидиш, кад ли 'ћеш се осветити, да сваки езыкъ има свой видъ и вештество, т. е. форму и матерію. А може бити да ти е ово последнѣ питанѣ неразумително, зато налазим нужно примером се изяснити. — Видъ езыка састоисе у езыкословію кое речи по своимъ правилама формира, но ако е овај видъ различит и непостоян, то се онда рађаю различне и езыкословнице, кое 'су причина да у едном истом езыку различни се начини говореня породе. Вештество пак езыка есу речи, кое се даю по правилама езыкословнице свакояко превійяти. Славенски езыкъ има шыше діалекта, као: Чески, Польски, Руски, Орватски, Бугарски, Сербски и друга, па зато сви ови Діалекти узели су различита и правописаня, нити су с' тим достоинство свога езыка изгубили: како год

што су Кастеланци Италијанци, Французи, Латинског езыка Діалекти, пак зато сваки има свойственно правописанѣ. — Шта выше свію Діалекта Народи децу свою јавно по школама на своме материѣм Діалекту воспитаваю, а ми невинну дечицу нашу са „Я такъ не ходилъ самъ красти и плѣнити“ мучимо тако, да кад изиђу из назване сербске школе — у којој се све на Славенском езыку учи — и то после пет шест година, онда нам измучена деца наша батиномъ и псовкомъ на славу Славенскога езыка ништа незнаю.

Но далеко сам од намереног предговора одступіо, остае ми те искренни Читателю лепо замолити, да би свима моим грешкама прави судаць био, и против њи се подиго: „Наймудрии, најдобродѣтелнии и најбеззлюбнии би био онај човекъ, спрођу кога би се сав свет подиго.“ — И заиста никада божествени Плато ниси веђу истину изрекао. —

Мое ње намеренѣ драги мой Читателю, получено быти, ако те само на путъ изведем да свойственна разсужденя о предмети у Шумици налазеѣм' се узнаставиш, о њима зрело узумствуеш, и пресудъ по закону ума издаш. — Немой тако да критизираш да се не може дознати, и да ти и сам незнаш,

стварь ли дѣла? — или езыкь? — или сладкоречіе решеташи; ербо 'су ова сва три една од други тако странна да се никада у едно саюзити немогу. — Немой да постанеш одзивъ други лійца, т. е. зато да худиш или хвалиш, што други то худи или хвали. — Немой „критическа размишленя“ сувопарно и безтемельно на подсмей просвештеном а стим ясносвестном разума духу да издаш, и с' поносним узвикомъ мудролюбія на прецаць без икаковога доказаня да осудиш; ербо ѣе то реѣи, да се ни мало не стидиш слепоту твою у видъ Минерве богинѣ мудрости преобуѣи и вечном подсмею, твой недозрели, без икаковога доказаня, пресудъ, на позоришно место, пред видовите очи разума изметути, — ако дакле овако узчиташи као што те молим, то 'ѣеш заиста овим тек начиномъ ползу од чишаня имати, и то двоструку: прво што ѣеш празне твое часове у забави умной мислеѣи пробавити, а сердце и душу облагороѣавати; кое 'су само красне дууше и отмѣнна сердца кадра чувствовати, какове е неоцениме славе тако полезна забава достойна; а друго зато, што 'ѣеш о прочитаном судеѣе и размисляваюѣи обвикнути се тако да 'ѣеш и у твои послови зреліе и разумніе судити и пресуѣивати мо-

ѣи. Од како е природа могућну мислен-
ность човеческог разума у дѣйствительность
довела, од онога дооба люди мисле, а чрез
то не само духъ просвећаваю но и тело изо-
бражаваю, кое нам очевидно доказую про-
свећени велики градови, у којима е како
мушки тако и женски полъ телесном лепо-
томъ выше него по сели снабдѣн. Но да не
залазим у краснолюбне мисли и примере —
о којима 'ѣу скорим временомъ (ако богъ да,
и срећа юначка) обширне основателно свой-
ски ко просвештеню душевном, а чрез ово
изображеню телесном поитивши — говорити
и умствовати — — Genug! sichtbarlich gehet
alles in's Große!!... — ? — ! — с' Богомъ. —

ОДГОВОРЪ ПРИТЧАРУ

на Ч. Нов. Серб. 40.

Да! природа краси согласиємъ
Бодрость у духу —! —?...! —
Светићу! ярость утоли — зар
Прескокъ да Србу
На подсмей Моћи најяснѣ, кроз
Света Граничность
У пркосъ ездѣ на мейдане? —
Неварай се лют!
Разум све прима у сахраиште
Па бира, — цѣли
Да приспе лакше, зноисе мислю
А бди полетомъ,
И давори народности крепке. —
Напредакъ премоћни,
Да бы с' рацвето
Трпнѣомъ родолюбства у миру, — Ах!
Шта л' и самъ морам
О твојој туги те вольноумству
Пресудит' снуждан,
Кад' кривацъ ниси —.. ал' опет духъ ти
Обранити морам;
Ер ми е Лютица Богданъ, горкой
При самрти, свой
Бритки маць разума, да обраним
Невиность Србства

Десном у десницу предао, баш
Юначким сердцемъ — ..
Наумства цѣль самъ постиго твою
Макар да притчаш. —
Но знай да вселенства степенливость
К' божеству ѣзди! —
Те гавран славуи, нит славуи гавранъ
Быти може. — не; —
Природа дели преимуѣства, по
Закону своме. —
Умилность, песме славуя, нѣжна
Ніе за уво
Магарца уватог, нег' гаврана,
Притча нам збори!.. —
Зар песма Луке сваког' у сердце
Дирнути може? — .! —
Не! — висока память тупаку е
Непостижни мракъ
Теби е другъ. — Славуя песма
Сладка е вавек.
Зар редкость дае умилной песни
Богату сладость? —
Красота степена нема — чуйме! —
Па с' богомъ остай!...? —

ПЕРВОВЫТНИ ИЗВОДИ.

а) Жертвеникъ Сербскога просвештеня.

* * *

Пашитисе Сербе благородит' душу!
На жертвенику Сербског' просвештеня —
Зноявнога да ти труда плодъ:
Као сунце летњи данъ осїйне. —

*

На нѣму силе и сердца и духа
Испить 'ѣ т' предат', — ако превосходно,
Свойствене т' мисли месечини
Степенљивой подобнеѣ быти.

*

Животь наш рату непрестанном равна с'
Победу, с'равни с' цветкомъ на гранчици;
Быва ли плодан? — плете венаць
И крунише име с' безсмертїемъ

*

Тка ли се превезъ благородствомъ духа?
Доводи племе човечества бодрог'
К' огледу, — што є жаркость сунца
Билю польском: то изображенѣ

*

Човеку земном' є; травице нѣжне
 Битіе крепи она, и рани ю;
 Ово ставля мисль у свой редь,
 Промисль творца то є свемогућег'. —

*

Силе кад ума т' корене постану,
 А чувства ясность художество итро;
 Нагони разума подданикъ,
 Тад' 'ћеш Сербе изображен быти.

*

Дальне су цѣли овакови желя,
 Сви силе ума и тела спрежући,
 — Те сложно! — дугом' по времену
 Надати се там' приспет' можемо! —

*

Безумну слабу животињу нагонъ
 Води ко цѣли; ер самога себе
 Свестна ніе ясно; — Човекъ гле!
 Са разумомъ ступа к' човечеству.

*

К' истини правой и душе слободи,
 Често га ланаць страсти закоснява
 Тежит' — победил' ? за блажена
 Може себе довек' називати.

*

Премда се често му ролюбци туже,
 „ Човека зашто провидѣнѣ мудро

Обгради страхма безчисленным
И постанакъ са слабосѣу; нѣжномъ? —

*

Но то е поводъ, да пуполякъ млади
Разпупи! — и процвета цвѣтъ разума.
Родъ преимуѣства да сазре,
Сила, краснотъ, любовь, на в'р' цѣли.

*

Поити Сербѣ! к' цѣли твоіой доспет',
Сраженя умног' даръ те очекуе,
Одбаци што е нечовечно,
Нит' ѣш Машу у цѣли искусит'.

*

О гди самъ мисли благородит' зачо! —
Соколе! — Перѣ простосердечія
Дай ми, да бежим из зависти
И неслоге високи стогова.

*

Мачъ сердце пара, жалость бие груди,
Где Сербѣ! — како МЕНТОРЪ ИМЕ гмиже
И гору и долу, тражећи
Сходни духъ мужа, заслужан зрелог'. —

*

Но якукъ! — свига с' одричу и беже
Обзирући с' не'ѣел' звати ій патраг. —
Рад би се сваки туне поносит'
И дичити. — Менторомъ се назват'? —

1 *

*

Богинѣ име мудрость, код мудрога
 Остае богиня, — красил' се невешт? —
 Руши се парнасъ, беже музе
 Животъ им слави брзость ноога

*

Ћерки е майке лакко прести пређу —
 Упоѣка и без сваког' — упредену,
 Та тако ю майка научи;
 Ал е мука младом' песмотворцу

*

Певати песму без икак'ве мере, —
 Истина! — да прне у зрачно небо
 Па венацъ блистаюћи звезда
 На темена Менторомъ да скида

*

Незнам? чи би образъ запламтио жаромъ
 Стида?!...? — Певача? восторжна е желя
 Уведе да га у Минерве
 Божествени олтаръ на Парнасу.

*

Ментора? — ніе двоумити више! —
 Драз'е с' одриче ИМЕНА МЕНТОРА,
 Мало часъ жельно задобито
 Богатства због временог' и земног'. —

*

Ужитакъ кад' би вечан такак' био
 Одреко с' неби ни Диогенъ мудрацъ

Дверучке сви би полетили
За ужиткомъ вечитога блага

*

Дижел' се ватра брзопална? чезне! —
Тресакъ ли землѣ? — све се упропасти! —
Дође ли крвни непријатељ? —
Удовица л' см'ртъ? за горим горе. —

*

О роде Србскій! уздани потешко; —
Сви тебе любе речма, ал не дѣломъ
Но муња нека блескомъ сад
Да видимо издателѣ — сійне. —

б) Младом Певцу.

*

Не певай Певче! езыкомъ туђим,
Презри нит' матерь
У облакъ духъ ти залази, те бываш
Туђег' питомаць отечества.

*

Воображеня сила т' бадава;
Свирѣпо море
Острова немог' прибреж'ю те баца,
Гди слободу езыка губиш. —

*

Песме красота загр'ми тамо,
Гди ува не'ма;
Јер с' њиме постае величественна
Живи потокъ жуборећ' мами

*

Путника; бара ал' м'ртва никог'.
Балзамъ у телу
Мириши, мертваць е свакоме гнусан
Чуй Певче! живи, те Сербъ буди.

в) Гди е мудролюбаць прави?

*

— Завистни свете и лукави! — грома
Истине чисте страовитог бойсе!
Црпи разума затрпану
Тайну здравог'; те се с' њоме дичи! —

*

Та славче младо подражава майку
Признаюћ' врлостъ као треба њѣну
Могло бы муучит а непеват',
Јер управља свою виткостъ гласа;

*

Ал' човекъ несме иначе быт' Мудраць
Ако с' не спусти к' животинѣ станю. —
Рече л' му тко: айд' безумне! айд!
Мудруй тражи сакривену тайну. —

*

Себи у путу сам преграду диже,
 Забунѣи суди забунѣно; летећ'
 Па шири крила, у висину
 Да узлети на божества престолъ,

*

Темель свог' быѣа на накованъ диже,
 Производъ мѣсли као божества цени
 Пустыню жели душомъ сердцемъ
 Без закона самовольно живит'. —

*

Плашљиви войникъ што бежи од мача
 Так'ви се мудрацъ бои дивлѣ раане,
 Не жели животъ Диогена
 Име му освоит' радо тежи. —

*

Мудруе други мудролюбацъ мислећ':
 Шта Богъ? — причину своју появљеня
 Докучит' могу. — Пресмѣли! Дух
 Од куда си горди задобио? —

*

Овога чопоръ безчислени звезда
 Освестит' не могу, — божества трунакъ
 Свой подиже на божества столъ
 Нит' признае творца над сам собом

*

Преваре, клетве, саму добродѣтель
 За ништа држи; нит' се икад' може

Освестити. — Да тко? — „Совѣсть
Бдена“ к'ршећ' мисли у несрећи. —

*

Каесе — доцкан! — Та Херкула силе
Застиде се. — Нема упорности сад! —
Награду (смѣлу продерзливостъ)
Куне, Творца казни признаваюћ'. — —

*

Презире Трећи „Здрави разумъ“ — гле! —
Страсти му лучаць пред' животомъ носе;
Нагоне скотства гадног следећ',
Млад увену, старостъ недочека. —

*

На двер'ма смерти кае се — ал доцкан! —
Пак гди си срећни Мудролюбче прави? —
Нема те! — та ти име криеш;
Ер по срећном човечеству мислиш. —

*

Поводљив! — ха! — Тко те изсмеява? —
Суетне мисли кои славит' тежи.
Човека биће; труе, лечи —
Слави, худи — срећи и несрећи. —

*

„Труе“ — хитрим доказанѣм слепога: —
„Лечи“ — учећ' разумнога мислити: —
„Слави“ — мисли свои празнину: —
„Худи“ — Ер' иј незаслужно слави: —

*

„Срећи“ — ербо с' безсмертіемъ нѣи венча :
 „А несрећи“ — ер' іи вечно на изсмей
 Предъ благородство човечества
 Мудролюбне торжественно стави. — !!!

г) Певаць у Слави.

*

Божества искро у Певача мисли
 Вечна! — сила се твога свемоѣія
 У пространству воображеня
 Као орао кроз облаке шири. —

*

Уступи стрепни Мудролюбче! Певцу,
 Кои е Богова гласоноша тайни;
 Ер ты гди станеш боязлив у
 Стрепњи, отудъ Певаць тек полеће. —

*

Двери у небо, кад ти се разяпе,
 Устремлѣи често изван себе падаш;
 Разумъ и кадкад пореметиш,
 Простране мисли у точку св'рвиш.

*

Гди друга борбу устремлюе с' другом,
 Хотеле све би на нѣой да се стане,
 Досадну борбу обглазећ',
 Ха! — Сирома! Гле човекомъ поста. —

*

А Певаць духа повереникъ тайне,
 С' крилићи лакки у светию тежи;
 Укоми очи там', гди нитко —
 Слуша свете и пресвете речи,

*

— Видомъ ни слухомъ не достае бистрим.
 А смѣло пева сие страшне другима,
 Истини бездушной *) животь даюћ'
 Кроз неба двери зрачну е пушта. —

*

Човека душе дубльомъ и висинномъ
 Игра се; восторжене мисли ер яча
 Са крепосћу **) осећаня, пун
 У песни силе духа душевног'! —

*) Nicht die Idee macht den Dichter, sondern ihre
 dichterische Idee hat mancher, aber es fehlt ihm
 die Gabe, sie zur Erscheinung zu bringen.

Eckermann.

**) In der Dichtkunst ist jeder Gedanke der Nachbar
 eines Gefühls, und jede Gehirnkammer stößt an
 eine Herzkammer.

Jean Paul.

д) Свим подпуно право.

*

Ст'рми се обблакъ — гле! на стѣне горе;
 Лют, силовит. — Громова прети муньомъ. —
 Животна стрепи, дркѣ, бежи —
 Стѣне се оштре — зри! — плачь — яукъ!

*

Ведри се лице обблachine цр'не,
 Стыдлив се враѣа са свирѣпог' рата,
 На чудо зраци сунчани там'
 Доездили умиляваюћ' се.

*

Стѣнама горде и поносне горе
 Буица раана, подпора, ха! — поста:
 Так' ће мои духъ клеветника,
 Недостатку свем накнада постат'. —

*

Не треба м сунца ласкателне зраке! —
 Грешим ли? — У руку сваки бритки мачъ
 Разума!!! — бодe нека грешку,
 Искреним сердцемъ покаже нек' ми. —

*

Гди сам погреши не желим да други! —
 Греши ли? — Стрелу у ведрину неба,

Данице Сербства сердце нек' кровь
Ударцемъ лютимъ обліе, *) пуцам. —

*

Овако Сербинъ нека сваки хоће
Доста е! — Другу цѣль 'ће докучити
Основу среће сталну пружећ';
Водемъ рећи: Кишу слѣди сунце! —

*

Човекъ се роди слаб, неук; временомъ
Расте, снажећи и тела и ума
Силе. — Природа слѣди степенъ,
Од камечка управ човечеству. —

*

А ты би хтео да учини прескокъ,
Вараш се! мену закона не чекай. —
Болѣ се преми за природомъ;
А не мисли да е невозможно. —

*

Докле 'ћеш мрачном у ковчегу тужит'? —
Не'ма већ плюска; ветаръ пирит' преста;
Кругъ се већ земни осушио,
Преграду нећеш на путу на'ћи! —

*) Die Rechtschaffenen machen sich überall mehr Feinde durch Sprechen, als die Schlimmen durch Handeln.

*

Народи ближњи већ Вавілонъ дижу,
 А ты *) у тами невѣжества пиштиш! —
 Слога є вожда, држи се нѣ,
 Ако желиш сунце да те грее!!! —

С А Н Ъ 1.

Ближе полдну, него ютру
 Проходат' се поѣм,
 И пуполька два ружична
 Предамном се ставе,
 Под којима седи дѣва,
 Запеваюћ' горко.
 Уплашено сад се тргнем
 И упитам жалость;
 Она плачемъ одговара:
 Пуполякъ сам была —
 А я хтедо да јој рекнем,
 Да сам и сам бую;
 Но прелстни санъ изчезе,
 А девојке неста.

С А Н Ъ 2.

Пребогате блистајусе
 Палате Царева,

*) Im Dichter spricht bloß die Menschheit nur die Menschheit an, aber nicht dieser Mensch jenen Menschen an.

Jean Paul.

Любопитан за множествомъ
 Обоega пола
 И сам пођем, ал' кад тамо,
 Гмиже младежъ мила;
 На кое сам лицу позно
 Задовольство благо.
 Пун радости сад поитим
 У играчке нѣине,
 Ал кад баџим очи к' земљи,
 Яви се занесем;
 Кад примѣтим, да подамном
 Поточићъ жубори;
 Шта јошт выше? младежъ у нѣм'
 Купа ти се мило.
 Умием се и сам друге
 Подражавајући;
 А Венера убрусь да ми,
 Да убришем лице. —
 „Сав побледим *) зачудим се,
 Санъ ме изневери.“ —

С А Н Ъ 3.

Певаюћи я се спустим
 У долине цветне,

*) No ay quien guste de su mal, como el enfermo de amor.

Нитком тако зло не при я: ко любви болеснику.

Calderon.

И ходат' се поѣм стазомъ
 По башчици странной;
 Но кад тамо, милораной
 Младой воѣки брескви
 Удивим се стаблу витком
 И гланчици танкой,
 А іошт веѣма кад напрастно
 Цветаюѣу спазим. —
 Сиротици гле опаде!
 Цветъ іошт врло раани.
 О чудеса! плодъ ю пригну
 Пуче и пребисе.

С А Н Ъ 4.

О блажено сунце зрачно!
 Ты си Царъ небесни;
 Твои зраака течность рани
 Умилно Естество.
 Кад сакріеш твое лице,
 Све то тад' занеми,
 И у жалость обратисе
 Ецаюѣ' за тобом;
 Но напротив кад покажеш
 Твога лица зрачность,
 Свака тварь се развесели
 Теби хвалу даюѣ'.
 Сунце! зашто ты обрѣеш
 Очи твое натраг?

Право! — ц'рне обблачине
 Прекрию ти лице.
 Истину я мог живота
 Смем свакоме казат'.
 Я овако умствујући
 У санъ се увезем;
 Ал ми душа истом приу,
 И у гору зађе,
 Коя не бы другим' горам'
 У изгледу налик,
 Нит' е меѳомъ ни луговма
 Покривена была;
 Него цела са степенма
 Обколѣна бiя,
 И по нѣима разсеяно
 Людство на све стране;
 Шта да велим кога века
 Од *) златне колевке
 Баш до глоба искуснога,
 Честног, и старога;
 Кое ланце но различне
 Хитро е ковало. —

*) Овде се под златном колевкомъ разуме
 невиностъ дeтeнцeтa, а не као што нам Г. Ста-
 матовиѣ у својој Пчели за 1830. г. на страни
 126. таково прекрасно народиѣ изреченiе из-
 смеява, а не опоминѣ се, или болѣ реѣи неѣе
 да зна оно главно правило, кое овако гласи:
 Притяжатель често се меѣе место
 притяжанiя, или обратно.

Любопитство сад и мене
 У то число зовне,
 И на први тек што степенъ
 Ступим погом моіом;
 Ал' ту видим єдним посломъ
 Све се занимати.
 Пак на ножной части горе
 Мирно обитават'. —
 Єдне выше, друге сниже
 У услуги верной,
 И любовной да сам скоро
 Завидит' им хтео,
 У надежди да су люди
 Од природе мирни,
 Пак заключим и сам с' ньима
 Живот мой провести,
 Пун радости, пун веселя
 Да самъ тако срећан. —
 Запитаи хоћею л' ме
 Примити у дружество,
 Кои мене драговольно
 Осрећити хтеду,
 И радостни у пространству
 Место ми уступе.
 Ал' с' ужаснем, кад ми едан
 С' ланцемъ се приближи;
 Хоћеи и мене с' ньиме
 Оковати крепко. —

Бацим очи, доцкан спазим
 Окове на сваком
 И причина мира њиног'
 Сад ми се появи. —
 С' овом судбомъ нисам могао
 Задоволян быти;
 Него пођем к врху горе
 Надаюћ' се больой;
 Но све редом оковано
 Јошт у горим нађем.
 Любопитан шта 'ће быти,
 На врх горе дальне
 Одважим се и путоват'
 У висину пођем.
 Едва мракомъ тамо приспем
 Уморан и тежак,
 Пак шта видим? питаш мене:
 Соразмѣрность праву.
 Одъ долине до врхъ горе
 Под оковомъ живит'.
 Ови златан, али тежи
 Ови сребрн лагши,
 Они доле опет гвозден
 Од свию найлагши.
 Пак шта выше, певаюћи
 Подносе га мирно,
 Сваки скаче пун радости
 И пун задовольства.

Чудновито то се мени
 Сада видило э.
 Запитам ии: од куд тако
 Сви радостни есу?
 Тад ми прстомъ висъ покажу
 Светлости Небесне
 Препитанъ у росном се
 Од куд спушта лику,
 И надежду загорника
 Коя подрањива. —
 Сад у мени любопитство
 И желя запламти,
 Те запитам тихим гласомъ
 Околостоеће:
 Е ли мени можно неба
 У висину ићи?
 Јоште вопросъ са свим нисам
 Ни изреко; али
 Већ степене подигоше
 И я таки пођем;
 Само едан повика ми
 Држ' се постојанства,
 Ако мислиш тамо приспет'
 Иначе 'си пропао.
 Што сам выше по степенма
 У висину ишао,
 То на против спустише се
 Сниже ми небесни.

Пак тек пређем што сад с' ови
 На степене Неба ;
 Ал' границе с' свию страна
 Обколише мене.
 Сад погледим на све стране ;
 Но чудесна врата !
 И потайна естества се
 Отворише нама. —
 Стра и трепетъ нападе ме
 Кожу ми наежи ;
 Већ помислим, да се пропасть
 Приближуе света. —
 (То быт' немож', док е силе
 У пространству вечне!!)
 Сад се нека обблачина
 Црна и ужасна,
 Спуштат' поче управ' к мени
 Као да ће ме прождрат'. —
 Но радостан гласъ услуша :
 „Сыне човечески !
 Сад очію видность лестну
 С' трепавицам' покри,
 И отвори око „разумъ“
 Душе и твог духа.“ —
 Я се таки и понизим
 Непознаном гласу,
 И прекрилим видность ока
 По той заповести.

Шта бы самном и сам незнам
 Прну у облааку —
 Но сад гледай догаѣе,
 И цѣль дальѣг пута,
 Због кое сам од колевке
 Постояно ишао : —
 Я суштество едносушно! —
 Од куд? како? незнам! —
 Кроз враташца облачине
 Таинства посмотри.
 Едносушно я (его теим) кроз врата
 Облачине прну,
 А тело ми оста дотле
 У недвиженію.
 Шта бы далѣ, незнам — — —
 Доста да се трго
 Из сна честног, али неста
 Степенљиве горе.
 О животе човечески,
 Зар си гори раван! ?
 Право! — ланци *) судбу значе,
 С' коіом човекъ живи.
 Чрезъ гвоздени а найлагши
 Земледѣлца судбу

*) Tous les evenemens sont enchaines dans le meilleur des mondes possibles.

Художника, чрез сребрени
 И купца разуми;
 Владѣтели златан носе,
 Ал' е и найтежи.
 А небесна светлостъ есу
 Минерве питомци.
 И све четир ове струке
 Лююди када скупа
 Обитава, тад се истом
 Назива пресрећном. —
 „Ето оно, што мудреци
 Траже!!! — редко нађу. (?!)

С А Н Ъ 5.

Ноћ ми душомъ обвладала,
 И чувства ми возбудила;
 Одвела ме међу стѣне,
 Гди се виле младе ране.
 Гле сад крила
 Мени мила,
 Нарастише,
 Одячаше;
 Почо летит',
 Вилу славит',
 Што е крила
 Мени дала;
 Ал' се пропасть
 (Нъима начаст)

Появила

И открила.

Какво чудо сад опази
У беланой танкой ризи
Свак' мож' добро запамтити
Коме хоће казивати

Летим тамо

Летим 'вамо

У самоћи

Сам мислећи

По пропасти

Гди се страсти

Умножую

Разплоћую

С' коим виле

Младе миле

Себе ките

У свет хите.

Стара вила тужит' поче

И запеват' 'вако заче:

Виле младе подстрижнице:

Долетите из горице.

Већ долазе

Обилазе

Све гле! скупа

Окол' ступа

Потрчаше

Запеваше

Свака своим
 Гласомъ витким
 Као Ангели
 Богу мили
 А не виле
 Као да б' было.

Покажите своя свойства
 Сложите се све у сродства
 Све прелести изнесите
 Шта стоите свету дайте
 На четири
 Ветра бури
 Прну стране
 Виле травне
 Са беланом
 Обученом
 Старом виломъ
 Мени милом
 Сад полетим
 Да запамтим
 Лек од смрти
 Совесть прати;
 Ер у светма
 Смрти нема
 Друго гледай
 Те се спремай
 Човечеству
 Пришет' ползу

Тако с' пренем
Од сна тргнем.

С А Н Ъ 6.

Држи друго Єленчића
Слабачки рогова,
Па не пусти да утече
Виткасто Єленче;
Сва у мисли да Єленче
Измаћи іой жели;
Ал' се вара, ер бо оно
На сусреть іой дође
И даде іой знакъ предае
И знакъ покорности.
Она мисли да е тако
Пуна задовољства,
Пак га раани с' посластицам'
И негуе кротко
Као што майка єдиницу
Мезимицу мази;
Пак му оба рога злати
И краси за лууду.
И на бистри потокъ води
Да му жећ угаси
Ал' Єленче опомену с'
Сладости слободе
Те прескочи потокъ брзи
А девојку презре

И с' рогови позлаћени
 Оде за слободомъ. —
 А девойка презну с' од сна
 Природи с' смеюћи. —

БЕЗСМЕРТІЕ ЛЮБОВИ.

О Алдее! тебе Саффе
 Пламеньъ любве диза,
 Да небесне мисли тражиш
 И у песни певаш;
 Та знам Саффо да богињи
 Приличила не,
 Србо очи две звездице
 Лице жарко сунце
 Нису были, нит' е было
 Пак тако си любовь
 Разпало у персима
 Пламену пристойно. —
 Но шта сам се я на Саффу
 Ополчио песмомъ
 Зашт' ли теби да завидим
 У любви милой,
 Кад е песмомъ умилятом
 Из пресладког гласа
 Певаюћи зауставит'
 Брзи потокъ знала,
 Каменьъ дрво а и самог'
 Найлюћиег' Риса

Себи знала примамити
 Да ю послушаю
 Како не би твое сердце
 Подпалила любовомъ? —
 Едном реч'ю она може
 Недвижимо двизат'
 А движимо зауставит'
 Од свога движеня.
 Но кажи ми как'ву ползу
 Имао си отуд'?
 Кад' ти ние сердце свое
 Поверити хтела. —
 О шта питам полза богме
 Стостручна е была
 Ер ти чувства твоя диже
 На найвећи степень
 А мисли ти благородствомъ
 Награди у песни. —
 С' коима си безсмертіе
 Заслужио вечно. —
 Допусти ми да се пужем
 И я на тай престолъ,
 Да бар могу вообразит'
 Безконечность любви;
 Ер за мене све су друге
 Награде малене
 Со тим манѣ што се на нѣм
 Ослонити несмем.

Болѣ одве да потражим
 Гди се надат' могу,
 И што брже; ерѣ ко лептирѣ
 Сад есамъ сад нисамъ.
 Тко сме устат' против мудре
 Уредбе Божества
 Кад' он рече позориште
 Да постанем светко. —
 Безсмертіе зар се тако
 Утакмице даеш? —
 Та Петрарки божественом
 Триестлѣтна любовь
 Безсмертія венаць диже
 Лауре на главу;
 Но срећнии бы од тебе
 Алце! чуй како! —;
 Ер му ніе само с' венцемъ
 Довршила поклонъ
 Већ и любовь свесердечну
 У сердце му дуну. —
 Ах! како е певцу было
 Тко осетит' уме
 Нека диже желѣ свете
 И награду тражи.
 Но уздишем зашто горко
 И зависть пораѣам
 Болѣ идем у наруч'я
 Милвзорне Милке,

Небили ми мисли мое
 Подигла високо
 Да дворове без темеля
 До небеса зидам
 И на любви крили лапки
 Да по њима трепћем
 Заклетву њу њой поднети
 За верности залог.
 О Аморе лестно дете
 Айде и ти самном,
 Да ми будеш у помоћи
 С' твоим художество. —
 Ах остани дете младо
 Издае се боим ;
 Ер ти незнаш залюбљени
 Сачувати тайну,
 Саморап њу болѣ њи
 У Милице крило,
 Обећа њу песмомъ њози
 Безсмртия венацъ
 Засену њу очи њне
 Уздишући горко,
 Певају іой песму њжну
 Да ой сердце боцне
 И у њму желю мою
 Удуби дубоко,
 Та њно е сердце мегко
 Као и ягнѣда

А перси іой у огнѣном
 Тиняю пламену.
 Реѣи 'ѣу іой дай ми любовь
 Да те обезсмертим
 Повратакъ є сад веѣ доцкан
 У нелюбовь мели;
 Веѣ ме спаси сладка Милко
 Са надеждомъ твоіом
 Ако желиш твою животу
 Благо задовольство,
 Ако желиш твою сердце
 Утѣху и сладость
 Та ако ме твоимъ сердцемъ
 Ты осреѣиш данасъ
 Блаженнымъ 'ѣу себе назватъ
 А безсмертнымъ тебе
 Єр ѣеш предметъ мое песме
 Свагда ты ми быти,
 Само с' вернимъ постоянствомъ
 Сердце твое подли:
 Као чобанъ што млад сираць
 Са млекоу подлива,
 Презре 'ѣу я све забаве
 Телесног' прошеня,
 Єр за ничимъ тако гинемъ
 Ко за твоимъ духомъ.
 Начастъ кралю и кральци
 Предраго каменѣ

Начастъ ловцу дивячина
 Пресладкога вкуса,
 Риболови свію моора
 Нек' улове рибе
 А шумари сав кругъ земный
 У шуму обрате
 Сребролюбцу целог света
 Начастъ злато, сребро,
 И платина драгоцѣнна
 И бисери скупы; —
 Ово ніе задовольство
 Никаково за ме
 Ер я веѣу драгоцѣнность
 У мом' сердцу желим. —
 „Ах! — — — — —
 Блескъ!
 — Сунцу ярком раван
 Теци брзо пред ню.“ —
 Столь ти дижем любка милко
 Безсмертія вечног
 Сагни главу да ти теме
 Увенчам украсим
 Пак прочитай надпись вечни
 Из любви писат':
 Светъ, време, постоянство
 Слава 'ѣш ми быти! —
 Сладка милко и поносе
 Мои, премили даре.

Ты сладости коя, си ми
 Засладила животъ
 Знакъ верности, дай полюбаць
 С' радосѣу обучен
 Кои ће ми сердце мое
 Доит' ранит' снажит
 С' тобом 'ѣу я венаць среѣе
 Започети плести
 И хоѣу га дуговечно
 Са радосѣу китит'
 Краеве 'ѣу едан с' другим
 Сакривено сплести
 Нек потомци вековечно
 Неразплету нѣга
 Убрази 'ѣу твое теме
 Да безсмертна будеш,
 Ер си нѣга ты достойна
 Да истину зборим,
 Ние лепо я признаем
 Што те теби дичимъ
 Ер си ты и тако себи
 Превеѣма позната
 Ал задржат' у персима;
 Похвалу немогу:
 „Подобіе о ангелско
 Прекрасно и светло
 Ты естества огледало
 Удешанства моѣног'“

Ах падни ми у наручя
 Искренности мое
 И слушай ме с' как'вом 'ћу те
 Заклетвомъ заклети. —
 Верность, любовь, *) и искренность
 Ты у сердце сакри
 Ср и тако сердца наша
 Приличе огњишту
 Кое ватру под пепеломъ
 Сакривену таи. —

ТУГА ВИЛЕ.

Тек насади што Шумицу младу,
 И враташца нѣна што одшкрину,
 Досели се из горице Вила,
 Рада у нѣой животъ проводи,
 Истом дође и певати заче:
 „Песме млади Птичица умилне
 „Ком певате тако удешено?
 „Зар пустињи? — болѣ престаните,
 „Нити песме гласно изводите.
 „Да л' Сербину, ког милим братите,
 „Плаче ми се, кад таково чуем.

*) Quien no ama no vive. —
 Тко не люби тай не живи.

Calderon.

„ Ты га песмомъ желиш пробудити,
 „ Да га водиш на изворъ Минерве,
 „ Гди се може лепо огледати
 „ Човечества грешке упознати
 „ И жећъ свою яку угасити;
 „ Ты му желиш чувства благородствомъ
 „ На найвећи степень узвисити,
 „ А он већи јошт у санъ се пушта,
 „ Нит' он мари што ты века певаш.
 „ Та нисам га я и друге мое
 „ Световале на путь изводиле,
 „ Пак коя нам хвала, коя полза
 „ Свем времену жертвованом' њиной
 „ Ползи, срећи, и забави умной. — ?
 Витка Вило не тужи ты горко
 — Светъ се не да исправит' рамени, —
 Есу л' твои совети примлѣни,
 На то немой ништа ни пазити,
 Ни колико времена 'су вредни.
 Време златно све твое младости
 Жертвовала с' Сербском роду вољно
 Юначество с' тим си показала
 Совете си њима подносила
 Чисте светле ко звезда Даница.
 Ако с' они производъ разума,
 То ће славомъ вечно питати се
 Ма ни еданъ Сербинъ се за њима
 Не повео, ко што е пристойно.

Та лепота Цветка у пустиньѣ
 Постояна остае и бѣва.
 Ма ю нитко никад не погледо! —
 Камо л' советъ здравога разума,
 Кой налѣчи божественой сили.
 Та ниси л' се силно заклиняла,
 Цѣли твое на радостном прагу,
 Да ѣши Сербинъ целог века быти? —
 Та не ли ово дужност наша,
 Свой родъ любит' и словомъ и дѣломъ?
 Зар радимо за садашнѣ време? —
 О потомцы! Вы ѣте нам фала
 Известан сам драговольно реѣи.
 Него певай лепа гоѣо вѣло,
 Што е вѣли у гори пристойно,
 Ер вере ми добра быти неѣе,
 Сатире ѣу на те управити, *)
 Пробудиѣу клетву успавлѣну,
 Да те тиште по своме могуѣству,
 И по правди твога завещаня.

ПРЕЗРЕНІЕ СРЕ ѢЕ.

Зар пред среѣе я Богиньомъ
 Клечат' кротко морам? —

*) Dolor perche mi meni
 Fuor di cammin a dir quel' ch' c' non voglio.

Petrarca.

Я? кои сам већ у станю
 Независим быти? —
 Не! не! неће мога века
 То дочекат' она,
 Нити љу я окат слепу
 Богиню замолит';
 Начаст нъойзи столь пресрећни
 Нек се дичи с' нъиме;
 Не завидим, водем к' столу
 Мудрости приступит',
 Гди Минерва неменьливу
 Срећу дели сваком,
 Коя кад се с' тихим трудомъ
 И са зноемъ сдружи
 Выше вреди, него сребро
 И нек суво злато.
 К' нъой љу молбе све подићи,
 И пред ню 'љу клекнут',
 А ты сестро о верности
 И памети мила
 Тек повтори пред Богиньомъ
 Захтеваня моя.

В И Д О В Д А Н Ъ.

Видов дане не видіо сунца
 Нит' нъговом зракомъ поносио с'
 Немой выше мед нас долазити,
 Ер нам ранне сердца позлебляваш,

А Сербина тугу поновляваш.

Ніе л' твое сердце од камена?

Када незнаш, шта є жалость тужна,

Ах звече ми перси од ударца

Тужног' сердца и одзивь оддаю

Проклиняюћ' Видовъ данакъ тужно.

Зашт' издаде Серблѣ на Косову?

Кад су с' Турци кровцу проливали,

И Лазара зашто уби кнеза?

Те с' нѣм Сербску владу утаману.

Истом што га я проклина 'вако,

Али слети из обблака Вила

Тек што слети — правдат' Видов-данакъ

И неслогу клети 'вако поче:

„Немой плакат' нит' Видов дан клети,

„Ербо ніе криваць у том быю;

„Већ проклинѣи зависть и неслогу

„Из мед Вука и Милоша славног'

„И Топлицу и Ивана снажног.

„Вука куни због зависти гадне

„И издае на Косовом полю,

„Он є Серблѣ уцвеліо горко

„Многе майке тугомь опоію,

„И одвео по изборь юнака

„Све конѣице оружане яко,

„Десет тисящ ако ніе выше

„Од кои є цела Турска сила

„Зазирала боязливо натраг.

„Нѣга куни и проклиньи вечно,
 „Он е лажомъ сердца у юнакма
 „Разпаліо, да покажу правду;
 „Зато с' они жертвовали животъ,
 „И у турски забасали логоръ,
 „Како могли до Мурата дошли
 „(Яви да су тек предае раади)
 „Зато га е Милошъ распоріо,
 „(Камо среѣа да га е убіо)
 „Неби Серби мейданъ изгубили,
 „Нит' игъ турски трпити морали,
 „Нит' бы под њим тако уздисали;
 „Неби майка сина оплакала,
 „Неби сея за брацомъ кукала,
 „Нит' Турчина любити морала.
 „Неби таама Сербию покрила,
 „Нит' дивячство у њу с' населило.⁶⁶
 О Юначе, шта си учиніо!
 Зашто с' ниси 'вако размисліо?
 Те у себи мудро умствовао:
 „Куд сам пошо, куда ли се диго
 „С' целом войскомъ мейданъ поделити,
 „Водем се я натраг повратити,
 „Пак на Турске с' браѣомъ ударити,
 „Ер кад Турци са мною обвладаю,
 „(Ер иначе нити може быти)
 „Тко ће Сербе на Турке бодрити,
 „Тко ли ће се први ударити?

„Тко 'ће бранит' кнеза од неволѣ,
 „Тко 'ће чуват' девет Юговића?
 „Нисам ли я подобан соколу,
 „Кои лети небу под обблаке,
 (Не юнакъ, кой е снажан теломъ,
 Нег' е юнакъ, кой мислити уме).
 Да е 'вако Милошъ помислио,
 Свою ярость и гнѣвъ утолио,
 Видов данакъ с' Серблѣмъ дочекао.
 С' њима Турке сложно напопао,
 Пак јошт жалость неби са тим была,
 Да е самаць у Турке отишао,
 Нег' е одвео по бору юнака
 Два најболя: Косанчића Иву,
 И Милана Топлицу са собом.
 Њи троица као три сокола
 Та небесне звезде да надлете
 И с' месецомъ мегданъ да поделе,
 А с' юначствомъ то су потврдили,
 Ер Мурата есу надхитрили,
 И јдно му ногу полюбили;
 Многи Бааша главе поскидали,
 Турску силу брзо разорили;
 Празног пута себи направили,
 Те из войске скоро измакнули.
 Шта би было, да су ударили
 С' целом силомъ Сербски Витезова,
 Коно што су девет Юговића?

А и други по избор юнаци?
 Тад би Турком црна коцка паля,
 Тад би они яде уживали,
 Своіой слави раку ископали.
 Неби Лазаръ главу изгубіо,
 Неби девет Юговића славни
 Попадали на Косову полю.
 Неби тада штету учиніо
 Вукъ Бранковић са издаіомъ гадном
 Но доцкан е сада већ тужити,
 И крвнике редом проклиняти.
 Родила е Сербіа юнаке,
 Кои знаше Турке разтерати,
 Ньину сили крепку укинути,
 И слободу себи задобити.
 Сербіа е плодна с' юнацима,
 Нит' ће икад у том' сиротоват'
 Док е сунца и док е месеца.
 Шта да велим за црнога Ђорђа,
 Кома не бы іошт у свету пара.
 Он подиже войску са слугама
 Без олова и без прашка црног,
 Без топова и оправа ратни,
 Пак Сербію іошт е освоіо,
 Из нѣ Турке яко истерао,
 И тврдинѣ многе поотимо,
 Брзо школе Сербомъ подигао
 Свом имену вечность заслужио,

А Сербима срећу основао.
 Па и друге изроди юнаке,
 Све Милоше вечита им слава;
 Ерно есте Милошъ до Поцер'ја,
 Кой е бую ватра жеравица,
 Именяка кой знаде осветит'
 Богомъ брата Милошъ Обилића,
 Ербо уби Кулина Везира,
 И задоби саблю скупощенну,
 Те с' нвом Мею одбари на пољу,
 И русу му одсіече главу.
 А друго е Милош Обреновић
 Слава, Дика, Сербіе обрана,
 Кой е Серблѣ щитомъ защитіо,
 (Кад е Ђорђе црни измакао
 Забуиће Сербе оставіо)
 Пробудіо Сербске витезове,
 Окаліо сердца у юнакма
 Са бодросћу и с' духомъ юначким.
 Дѣла 'су му презиме надала.
 Ние чудо, што е Обреновић,
 Обрана е он Сербіе бую,
 И Сербіе быће до год живи.
 Подиго е печатнѣ преславне,
 Кое есу наукама руке,
 Чрез кое ће просвештенѣ сићи
 Са небесног престола божества.
 Гди ћеш болѣг' поглавара наћи,

Куд ћеш болѣг' Обрану и Дику.
 Нашто дакле позлеђиват' сердце,
 И проклинят' Видов данакъ тужно,
 Него болѣ у радости пливай,
 И престани ядиковат' скорбно!!! —
 То изрече, и у обблакъ п'рну. —

ВЕДРИНА РАЗУМА.

Мисли црне и завистне
 Беж'те из мог' сердца,
 То се зове любит' Бога
 Преблагога Творца.
 Зашт' ми к' цѣли моіой дођи
 Препречате путе?
 К' теби Боже и к' истини
 Твоіой повраћам се,
 И к' богиньи кѣри твоіой
 Минерви названой. —
 Помоз'те ми разведрити
 Силе мога ума. — — —
 Ах! — — — — —,
 . . . Од куда гласъ се чуе?
 — Гле пребеле Виле! — —
 Са танетом у рукама
 Коштаноокруглим.
 Я запитама странно лице
 Вили белой равно:

Шта е радо са танетомъ.

Доказат' округлим?

Мом вопросу распаде се

На две поле танае,

Из ког светлост (кою незнам
Речима описат')

Сійну, шта е ярко сунце? —

— Нек с' постиди сада. —

Тада сви пет мои чувства

Напрасно изгуби,

И быю сам мене само

Свестан я тад самог.

Нит' сам могао сад я свестан

Быти други тваари,

Ер се мени све чиняше

Све у мени самом. —

Севну муня я у свету

Променльивомъ опет,

Тад ми лице вили раавно

Зборит' 'вако поче.

„ Не чуди се! не обзири с'!

„ Ако цѣли твоіой

„ Приблизит' се вольно желиш,

„ И шта еси дознат',

„ Свуди с' себе проста она

„ Сва предразсужденя,

„ И све мреже Мудрочинца (Sophista)

„ И мудролюбаца,

„Кои траже неку вредность
 „У понятним (idealis) речма
 „И високой узвишеной
 „Заплетеной мисли;
 „Мой е отаць са мною почео
 „Сатворенъ света;
 „И до тебе све е са мною
 „Взаимно сатваро,
 „Но када е у светъ хтео
 „Корень човечества
 „Усадити, тад Венера
 „Сестра моя, любовомъ
 „Подлила е сердце нѣжно,
 „Због кое си срећан.
 „Ер иначе подобан би
 „Быо воѣки молодой,
 „Коя свог живота незна
 „Оценити вредност,
 „Нити какву у животу
 „Осећати радост;
 „Ер иначе свестъ би ясна
 „Было ти мученъ.
 „Со тим више, што радости
 „Неби имао живитъ. “ —
 То изрече, и као сенка
 Испред мене неста. — — —
 Продрзльиви о човече
 Мудруй, ал' не ступай

Преко прага; ер ћеш за'ћи
 У безсмертну маглу.
 Од куда се слабо кои
 Повратити мого.
 Та толики прелазише
 Прагъ бистрог разума,
 Пак какве 'су искусили
 Награде естества.
 Овай пређе, не врати се —
 Постиге л' то незнам;
 Ер се никад не поврати,
 Да нам ишто каже.
 Што говора, смей 'су могле
 Беседе му быти.
 Едногласно луде мисли
 Луда говореня
 Сви у станю разумности
 Називали есу.
 Лаковерни кои быше
 Слабог' разсужденя
 На прагъ сташе разумія,
 Ал' плашљиви быше,
 Те се брзо у пређашнѣ
 Повратише станѣ.
 Богомольни, боязљиви,
 За неволю нису
 Сад постали, тайну неку
 Већ признаю сами.

Болѣ мени веровати
 Све разуму сходно,
 Али Ништа предразсудно
 И ником за любовь.
 Варам ли се? изгубити
 Нећу ништа моћи.
 Истина л' е? то заиста
 Награђен 'ћу бити. — . .

П Р О В И Д Њ Н І Е.

Из Шпанског. *)

О пресвето „слово вековечно!“
 У теби е быћа свемогућство,
 У теби е права чиста любовь;
 Чрез кою си свету животъ дало,
 И суцества разна сотворило. —
 Од малога шљунка каменита
 Взираюћи кроз тайне створееня
 Найпоследнѡй и милиѡй твари
 Човечеству гди е силе твое
 Тек искрица печать ударила,
 Кои, док е до крясоте свое
 На високи степенъ вознесао се,

*) Штета, што е заглавје од исте књиге сѣрдано, из кое сам превео, да би могао оваковога многозаслужнога Шпанског Пѣвуна Србину бар име познатим учинити.

Мирисави пролећа е одвећ
 Много тисящ морало проездит',
 И толико плодоносни лета,
 И есеени, а и седи зима.
 Та матерић твое провиђеніѣ
 Бдено целог света уздисае.
 Преслушкуюћ' обрће у радость,
 И помоћи руку сваком пружа,
 Ср и онда, када нам се чини,
 Као да ништа за нас знат' не жели,
 Позива нас, да се покоримо,
 Свемогућство нѣно замолимо.

*

Куд' ли ће нас, и на кои степенъ
 Савршенства с' безсмертіемъ дићи! —

Т Р И С У Д І Е.

Славо! — Правдо! — и Мудрости
 Одзовте се! гди сте?
 Ил' на срећу, ил' несрећу
 Вас сам упознао.
 Вратите се, да ми цѣли
 Моіой довольите,
 Пред очима кипъ ваш, ума
 Мога се потеже,
 Те уздисат' из дубльине
 Сердца мога морам.

Изиђитг и за горе
 На сунчану зраку! —
 Окалите сердце мое
 Са бодросћу крепком,
 Србо дѣла Величину
 Оплакати жели!
 Величину умалѣну
 Од Европе целе.
 Нећу певат' како 'смо ми
 Нову земљу нашли,
 И како смо добра и зла
 С' њоме задобили;
 Нег' ћу казат' разсужденѣ
 И Славе и Правде.
 Правдо! ты си Колумбиомъ
 Назват' Новостъ хтела,
 Али слава кога хтеде
 И прослави силно.
 Америкусъ тућу муку
 Са помоћу славе
 Пред толиким светомъ земним
 По Имену свом е
 Покрстио говорећи:
 „Америка быћеш!“ —
 Пак да би ю сва Европа
 Тако и назвала
 И све проче части землѣ
 Ову слѣдовале,

Науми ю подмитити,
 И поклонъ поднети.
 Начерта ю на артіе,
 И описа целу,
 Како лежи и изгледа
 На коіой ли страни,
 И чим ю е обдарило
 Богато естество.
 То саврши, и Европу
 С' поклономъ подмити,
 И погодит' тко ће моћи,
 Шта сад бы и поста?
 Єдногласно сви узвикну
 На подсмей потомству
 Америка нек' се зове! —
 И тако се назва.

*

Сама Мудрость єдва с' може
 Искобелят' мало
 И парченце нове землѣ
 Колумбіомъ назват',
 Да остане првобитства
 Спомень заслужнику. —

ГОРДОЙ НЕВОСПИТАНОЙ ДѢВИЦИ.

*

Дѣвице! — — —? Природа ніе племе Ти
 Благородствомъ задухнула законним
 Отечества; бдене нит' свести
 Прясность Духъ Ти озарила е!

*

Камена зраки драгоцѣиног прст зар —
 Телу ил' пруслукъ одданут' кад не да
 Стегнутом — красоту оддае?
 Гордость у сердцу Т' кад влада гадна.

*

Природа перѣмъ Пауна прекрасним
 Обдари. Гле!... пак оди с' кокошима;
 Коса ал' раане у кавезу
 Сладость песме ценеѣи умилну! —

*

Себице не лица лепота блиста;
 Не духа богата, крепка моѣ за се;
 Нит' витак стасъ природе просте
 Преимуѣства тек ови согласіе.

*

Младость ли дижеш на поноса степенъ? —
 Грешиш!... Пролети животъ човечески
 Муњи раван; — Младость тренуѣу.
 Дѣвице чуй!... 'толи пак горди духъ. —

Der Gedanke, wieder glücklich dich zu machen,
riß mich hin. Vergib mir Freund!

Wieland.

* * *
Не честь, не слава, надражиће младость
Жестоку, шири да вѣжества желѣ
Благородног'; не художества
Любовь, но Рода и племена жарь!

*
Родолубиве што перси топлотомъ
Возбуђе, кипећу радость сердца
С' духомъ прежарким Обилиѣа,
То ал' сиротиня сузомъ гаси.

*
Уздише горкость из дубльине сердца
Туѣ му дань, — Ноѣникъ савуляги раван,
Тело му гладъ мучи, духъ ал' жеѣ;
Надеждомъ оба терпеѣ припитава. —

*
Шума у Сербству са светиньом дише,
Лузи би могли подпирити желѣ
Вѣжества; ал' трнякъ отео маа;
Ер радіоць одрекао се света. —

*
Зрачность ли с' духа у ком' появлюе?
Право човечества природно, властникъ

У таму бреча вечиту; гле! — ...
Сведокъ нам жертва десетоletна.

*

Нетреба будакъ луговима старим;
Питоми него колам; помлађеном
Благородног' быћа, дрвету
Природна мени чудесна нек' е. — —

*

Непостижность човека обнезнани,
Ал' испитъ ясним *) понятіем сице;
Истина вечна и красота
Човечеству како л' неће целом? —

*

Можность збореня у еззыкъ обрну
Човекъ — — Немость би утаила разумъ
Животне у судби пиштећ. Ха!...
Тварь створеня Твораць гле пожали!...?

*

Пак рече: Разумомъ владай здравим страсть
Станъ човечества нек Ти сердце есть.
Данашњи дан уч'тель нек' буде
Сутрашнѣм, доцнїой мисль садашня. —

*) Auch der Leser muß produciren können, wenn er den Schriftsteller verstehen will; was er von einem Buche nicht produciren kann, das bleibt todt.

*

Смерть ти нек ланаць не прекине мисль!—
 Зар земни човекъ непреживи да се?
 Внутренъи, еднак союзъ моѣи
 Са теломъ прекинут' мора време.

*

Египеть сталаць човечеству бы; гле!— —
 Детиньство Феникъ у свитку проживи,
 Греку ал' младость човечества
 Цветуѣа, заслади животъ мили.

*

Римлянинъ животъ мужествен одбави
 Преживность свою смерти подбаци тад'.—
 Човекъ се ново благородним
 Воспитат' поче предразсужденѣмъ.

*

Но гле Мудролюбцу *) краснословни **) духъ
 Тростручне ***) моѣи у природы простой
 Тражеѣ с' веществомъ непокретним
 Союзъ внутрен, еднак — сѣйну, бистром.

*

Ускокомъ ездит' Народи нагнуше;
 — „Снагомъ ер новом стиже нова паметъ.“
 Древности прахъ честно поглебе с';
 Минерви Олимпъ печатня диже. —

*) Vacco Verulamius. **) Animus Estheticus.

***) Книгопечатня.

П Е С М А

Найзнаменитіем Мужу.

Симеону Милутиновићу

Сарайли

Сербіанке Сочинителю.

*

Стецисе ято обблакоова гнѣвни
 Сумрачно! целости кружне пад Пештомъ
 Тепло — заветъ примиш — крвног да
 Сердца; те распостри славу чубре

*

Певца, но мене у висъ Неба ведрог
 Дигни, да режем Чойковићу песму
 Громовине силомъ ватреном
 Нек' засветле као муня сїйне. —

*

Огледъ ер целог човечества тайног
 Он е. — Старине зрачность — Певаня умъ
 Познатель *) людства — Толкователь
 Древности — пострижникъ искренности. —

*) Große Dichter sind im Leben eben nichts als große Menschenkenner.

Jean Paul.

*

Природа даре бадава не дели,
 Камень се драги сакрит' ни у води
 Немож'; камо л' 'ће духъ Пѣвуна
 Утолит' сердце огнѣдишуѣ. —

*

Милутиновићу! Ты ватрену мисль
 Воображенѣмъ, цвѣтъ ко пролећно полѣ
 Одеваш. — Духъ восторга т' силног
 Пламенит' оддише величину.

*

Нравственность света ты пита с' свойственным
 Искусствомъ,*) жертву да роду плодну даш.
 Времена скруши смертног двери,
 Вѣчность у слави венаць Ти диже. —

*

Сила Т' воображеня истом скуе мисль
 Речи ал' песмомъ отдаю одіекъ веѣ. —
 С' одсека падам у дубльине
 (Сбореѣи с' тобом чубро) умне! —

*) La peregrinacion es gran Maestra, de la prudenzia, quando se emprende para informar, no para deletar solamente el animo.

*

Разярен духа величине правдомъ
 Завѣсу деремъ човеческогъ рода
 У вражди злобу завистника;
 Слаб ер*) духъ имъ непостиже Т' к'рам

*

Да ми твог' духа вел'кодушность зрачна
 Не допире к' сердцу — муучит' осветомъ
 Нудеѣ' — Да....! Божества даръ славу
 Човечества, текъ гдикоегъ иште. —

*) Nur Dichter vom ersten Range befriedigen Leser vom ersten Range, und nur Leser vom ersten Range können durch Dichter vom ersten Range befriediget werden. —

НА НОВО 1835. ЛЬТО

свима

Читательима и Слушательима

С Е Р Б І А Н К Е

а навластито

Родо - и краснолюбивымъ

ВУКОВАРЦЕМЪ - СРБЪМЪ

о д

Исидора Стояновића

у Пешти

п о с в е њ е н о .

3 **

Свѣта — — Сербіянке читательма и слуша-
 тельма — Сербскій братскій поздравъ изру-
 чи изусту и увнуши овда за вазда и вавіекъ
 віека безконечя! —

Милутиновиъ мени у Писму
 одъ 6-а Іунія 1834 изъ Крагуевца.

Заръ Анѣ'о Бож'ій светіе небесну
 Испуня волю одъ ме постражника
 Війла — кад' закте исто безсмертній
 Певаць, та Чойковићъ *) мой Побратимъ!
 Ер Онъ е дывній енонай Геніе,
 Кой духомъ дыше славнога Омира;
 Крвь-Србскость комъ крозь жиле тече,
 И каплѣ на сердце човечности.
 Образаць... Онъ е врлогъ Диогена,
 Лучемъ у подне кога е тражіо,
 Прередкимъ да му с' и пресветимъ
 Срадуе поздравомъ: „Ты си човекъ!“
 Но осуећенъ оде на истину
 Блаженій Мудраць, свое заветовав'
 Пытомце кушат' далѣ срећу;
 Ал' ко да састави свете черте?!

*) Познато е, да су Г. Симу Милутиновића у
 Црној Гори прозвали Чубромъ Чойкови-
 ћемъ карактеризирајући съ именовъ лице, а
 съ презименомъ сердце иѣгово.

Прейђу и ови долину плачевну . . .

Праштајући се речма на краини: —

„Аманетъ Вамъ' подражательи
Светый Учителя заветъ буди!“

Гласъ косне с' сердца свою заверника
Диогеновы; ал' вештественога

Образца нейма! — Сараевка
Сына докъ не роди Симеона,

Кой како ступи на землю блажену, —

Лондонска воля гди се овецава,

Диогенцы повичу сложке:

„Вѣра ви Божія ево Чойка!

„Нашъ одсадъ буди прередкй Сербине!

„Чубро по лицу, Чорковићъ по сердцу

„Именомъ и прозвиштемъ вечнимъ

„Живи на овоме Царостану!“ *)

Е тай Васъ идолъ верни читательи

И слушательи Ћери Му — поздравля,

Одъ кои Вы сте први, Србству

И мени предраги Вуковарцы!

Вы тек' у сунце гледати марите,

И благодати нѣгове славити;

Кодъ Васъ е палма, палма права,

Нег' и Вы зелене гранке нѣне

*) С' правдомъ се Црна Гора называ Царостаномъ, поклемъ сви нѣни жительи уживаю упражняваю царска права.

Найдостойни — И пре самъ уверенъ
 Бью, да Вйла моя посестрима
 Богдана правоꝝ слави; сад' пакъ
 Одъ како плѣнене... позна и Васъ
 Волшебкомъ истомъ; — *) с' плѣскомъ и
 одзывомъ
 Усхиѣенъ Вашимъ лиру удешавамъ,
 Да Славкомъ **) Богоподобнике
 Пратимъ у Пантеникъ догоѣ траемъ.
 Вы пакъ и одсадъ краснога Штителъи
 Таите Србскость! но што да отрока
 На майчино 'поминѣмъ млеко;
 Дакле тек' млога Вамъ лѣта желимъ!

*) Сербіянкомъ.

**) Вйломъ, но овимъ ќе се именовъ звати књи-
 га, коя ќе у себи садржавати све мое доякош-
 нѣ са славомъ другы... дышуке Оде.

Любезный брате,

буди ми здрав!

Од како ме е мати родила, ни од ед-
ног се писма нисам клонио, а јошт манѢ
крстио, као што сам се од Твога, и јави
ми се кожа наежила, кад сам разумо, да
'су ти се сви Твои питоми калами, до сад
истиним основима здравога разума, и чисте
памети опоравлѣни, и плодове како Теби:
тако и сладком, и милом, и великодуш-
ном, и најзнаменитіем роду и породу Серб-
ском приносили починяјуће, глупа предраз-
сужденя и незрела размишленя; омлатила
и опустошила. — А велиш, да си сад очи-
ма прогледо; то е могуће; ер као што ви-
дим из Твога писма, мора да си пао у бо-
лестъ, пак сад све наопако видиш; зато на-
лазим за добро, гурнути Те, неби ли
дошао к' себи, и очи од зраака сунчани не обр-
ѣао; ер е то само слабачким мольцемъ свой-
ствено, да и од жижка ослепе. — Вели Ви-
ландъ.

Но пре, него што Те почнем на путъ
истине изводити, валя ми најпре да Ти до-
кажем, да е лепши Сербски езикъ, него
Славенски. Теби е познато, да смо ми по-
сле наше матере Славянске сирочад остали,

и да нас е Сербкиня кћи нѣна, а наша мила сестрица, која е по природи свагда лепша од матере, због сојуза између вещества и моћи себе саме светне внутренѣг и еднаког ко матерњим своим пресима пригрлила, и сладким млекомъ сестричним задоила, и по својој природи воспитала и одранила. — Знам, да ћеш рећи: То е истина; али кад смо здрави разумъ задобили и дознали, да нам ніе она права мати, тада као добри синови валя нам се ко матерњѣм гробу приближити, оплакивати, и у колико е могуће, ню подражавајући трудити се нѣним ѣзыкомъ говорити моћи. — — То морам признати, да е лепо, но можемо ли ми ню подражавајући на онај степенъ говореня попети се, и ню заедно с' ѣзыкомъ оживити. — — Лако ћеш на ово рећи, да се то од нас не изискуе; но тек у колико е могуће. За кое потврђуем, да си врло добар синъ. Но кажи ми, желили Мати своје детету, да ю по смерти нѣной непрестано оплакуе, и подражавајући ю у тамі невѣжества остае и пропада? — Знам, да себи неможеш таково што ни представити, да би права мати и помислити могла; али ћеш ми рећи: да се ми ню подражавајући на выши и выши степенъ из-

ображеня душевног попети можемо. Но зашто толико да мудруем, болѣ ће ми бити на примѣръ сиѣисе, неби ли брже по нишану к' цѣли нашої приспѣо. — — Ми знамо, да е езыкъ справа наука и умствованя, дакле нам треба такови употребити, у ком се найвећи карактеръ Народно-сти состои, у ком пословице живо и природно остроуміе показую, у ком велим повести мітологическе старину Сербства као одекомъ предаю. — — Ми знамо и видимо, да толике стотине хиљада најзнаменитиѣ Мужева стари Римляна езыкъ уче, њиме као и своим матерњим езыкомъ пишу, говоре, и умствую, пак јошт се ни едан Цицеронъ, ни едан Хорацци, или Виргили, ни едан Овиди или Плини не нађе; кое би своя списаня оним живим духомъ оживіо, да таково воображенѣ у нама подиже и побуђуе; како би дакле ми мертвим езыкомъ Славена жива наша воображеня Сербима, милой браћи нашої, изразивати могли. А ты би хотео живо тело Сербско, у комъ е младость тек напушила, старим искусним и умореним духомъ да оденеш!!! —? Сад сам себе питај, имаш ли право, и еси ли по здравом разуму, и чистой памети против њѣжног, и сладког и

умилног Сербског езика: као у айку поди-
 го се и упутіо? — — —! — — Но айде да
 ове похвале Славенском езику, као евеньке
 навешам — као што Ты велиш: толь кра-
 сенъ, толь богати Славенскій языкъ — а
 сербски напротив називаш неизображеним;
 дакле би Ты тео, да ти попадаю из неба
 печени пилићи, и да се ни мало не потру-
 диш изобразити га, и у учени редъ довести.
 Сви досадашњи, (а по природи и будући)
 народи свагда 'су езикъ свой матерњи лю-
 били и почитовали, едно зато, што су с'
 њим целу свою понятну живность, или болъ
 рећи могућность свои мисли и разсужденя
 у право дѣйство довели; а друго зато, што
 'су народности рода свога, и обичаю стари-
 на свои нѣжно млеко матернѣ сисаюћи, при-
 викли се, кои навичай ништим и никоим
 начиномъ из дубльине сердце избрисати и
 изгнати, или болъ рећи, загушити не могу.
 А будући да се люди с' езыкомъ у друж-
 ство збіяю, и по природи свакій човекъ о-
 нога себи за внутренѣг друга избира, кои
 еднакостъ и еднаколичіе у способностима
 свойствама и преимуѣствама своим истим
 преимуѣствама одзив оддае. — Толики уче-
 ни люди, толики Мужеви, толики Отече-
 ства синовѣ, кои 'су међу множеством на-

рода свою Божественну искру Моѣи себе
саме свестне могуѣность к' ясной
свести приуготовили, езыкомъ, кои 'су
у нѣжном детинству своем научили, одраст-
ни, мисле, говоре, суде, и као едно еди-
нито благо човечества почитуюѣи, писали,
да би и браѣи своіой човечества мисли свое
сообщавали, нѣи, ако е могуѣе, на веѣи
степень изображеня подиѣи, да би на врати
смерти, задовольни; ер 'су другима спону-
на полза и напредакъ были, лакше раста-
накъ моѣи живодарне од вещества
непокретног претерпити, и у непости-
жими животъ с' поносним узвикомъ и задо-
вольни природном судьбомъ, преѣи могли.

Али зато немой мислити, да Те я со-
ветуем, или болѣ реѣи, доказати желим,
да Ты Славенски не пишеш, и себе у нѣму
неусовершенствуеш; високог е почитанія
Славенски езыкъ, и велике славе достоян!
нити е моя намера Теби из главе изтерати
Славенски езыкъ; но на прави путь извести,
да, будуѣи кад си веѣ сад презрео Твой
матернѣи езыкъ, да га као добар синъ не
кудиш, кад ниси толико наклоности у серд-
цу Твом подранио, нѣга похвалити моѣи. —
На то су Те досадашнѣи Твои основи толи-
ки наука од части краснословія, од части

словолубія довели, да ниси кадар призна-
ти, (или у пркосъ неѣш спольно да по-
кажеш) да е лепши живи, него мертви е-
зыкъ; и да никада не само Ты, него ни
перви Руски Патріархъ, кога е езикъ бли-
жи Славенском, неѣе оним духомъ писати,
коим су стари Славени мислили, умствова-
ли, говори, и писали; но матерњим жи-
вим, и ма изображениемъ езикомъ далеко
лепшимъ изреченѣмъ, и далеко ячим, сла-
ѣим, и умилнимъ осеѣанѣмъ изражаваюсе. —
Славенски езикъ збогъ свои речи може намъ
служити на ползу, за моѣи и нашъ Сербски,
као Ты велишъ „неизображенъ езикъ“ обога-
тити, угладити, и пристойнимъ граѣанскомъ
живленю и обичайма учинити. — Но валя
да знашъ, да се езикъ ни еданъ не изобража-
ва напрасно и насиліемъ, но пре му треба
цели составъ нѣговъ у изображенѣ душевно
посадити, пакъ кадъ се прими и разграна,
тада истомъ валя речи буди кога му драго
езика накаламити, и да бы плодъ свой прино-
сити мого, причекати, докъ се исти млади
каламци попримаю: тако исто и нашъ Серб-
ски езикъ, на онай е степенъ изображеня
доспео, на кои подигнутъ, каламити би
требало речи Старога Славенскогъ езика, од
кудъ би се по скоромъ времену надати мо-
гли, да 'ѣе намъ плодъ приносити.

Но ту е чворъ, што сваки то мисли намерава, а сам себе не разуме. — Сваки мисли, да се у каламљѣню реччи разуме са свим славонизирати, пак сваки, како ово започне, нама ти му се ослади Славенски езикъ, те се к' нѣму презревши Матерњи Сербски езикъ прилюби; а зашто то бива? Сво зашто! —

Будући да е човекъ телесно и словесно створенѣ, зато е нуждан союзъ између словесности и телесности нѣгове еднак и внутрен, из кога союза внутренѣг и еднаког проистиче по природи красота. Но код опи лица, у којима овај союзъ не, а особито ако му е телесношћу словесностъ обтерећена, то по природи мисли, као што 'су му и нѣгови дедови и прадедови мислили и прадедовали: тако исто и езикъ буди он Сербски, или кои му драго, ако му каламећи моћ буде веществомъ обтерећена, тому се укида красота, а кад се ова укине, тада и сама красота гине и пропада. Но рано сам почео, треба ми најпре питати, кой е конацъ свештенству, и која им е цѣль и намера, и какову 'су ради они учинити ползу Отечеству и собраћи својой, која од нѣи очекуе росу мудрости и поученія? Дай да погађам! — — — Ние ли нѣова намера

стадо свое на прави човеклюбія и нравственности путь изводити, и ако е забасало, од заблужденя повратити, нѣгова затуплѣна чувства своимъ поученіямъ пробудити, у сердцу нѣговомъ желю будуће среће и благополучія надражити, да не само речю, него и деломъ покаже, да е право Спасителя стадо, и да се нѣговога спасительства удостоити труди. Ако е ово Свештенства чинъ, то справу валя тукову да употреби, с' коіомъ ће лагше цѣль свою докучити; а ова справа естъ сам самцитъ языкъ, кои се мора приуготовити, да би се с' нѣмиме к' правой цѣли приспети могло. Разсуди сам по Твомъ здоровомъ разуму, (но не предразсудно) кад се с' простимъ човекомъ разговараш (я овде разумемъ свакога, кои ніе кнѣижевникъ) то мораш по нѣговомъ начину говореня с' нѣмиме говорити, а не као из облака, него на нѣговъ темель спустити се, и нѣга степенно у свой кругъ подиѣи. Како год што ніе могуће из народа обичае и завичае изгнати, као што нам е познато, да и дан данашњи Давора и Коледо по гдикоя бака споминѣ, кои су у време незнабожства као богови царствовали: тако што ни языкъ из народа протерати и изгнати ніе могуће; нека би и ово се учи-

нити могло, но како бы се дакле Сербинъ с' таковимъ езыкомъ просветити, кои он ни-ти зна, нити е могуће да зна, и воспитати могао. Сретно 'ће быти опоминянѣ най-знатниег Мужа Свештеника Досітеа Обрадовића, кои е браћи своіой Серблѣмъ Сербски Сербинъ Сербствовао, нѣга поучаво, на прави путъ изводіо, и похвалу не само од свое собраће, него и од Отчества и целог нравственног Света заслу-жіо. Он е показао, шта то значи добар Свештеникъ; он е показао, шта то значи совершени люди разумъ изображавати, а сердце и душу облагорођавати; он е при-меромъ показао, какову сила има Сербски езыкъ, кад се добро и згодно употреби; он е показао, какво би Свештенство требало да буде! а *) не. — И кад би хотео о ну-жди Сербскога езыка изображеню и о ползи, кое изображенѣ езыка Сербину приноси, бе-седити, то бы морао читаву кнѣигу, а не табакъ написати; ер о таковом пространом предмѣту од како 'су люди почели мисли свое са променомъ гласни знакоова браћи

*) La Noblesse, qui ne devoit être que la ré-
compense des vertus et des talents, est deve-
nue le prix de l'ambition de l'avarice, et
de plusieurs autres crimes.

своіой човечества саобштавати, од онога 'су
 доба, и о истом говору почели мислити,
 разсуждавати, говорити, и писати; пак
 іошт се ни едан не нађе, кои би подпуно
 о нѣму разговарати се и писати могао. —
 И сам езыкъ има свое векове: има свое Де-
 тиньство, Дечадство, Момчад-
 ство, или болѣ реѣи Младость, Муже-
 ственость, старость и смерть, пак
 кад овой подпадне, моѣ га изнемогне, те
 само непокретно вещество остане, кое ніе
 кадро мисли словестне у покретность стави-
 ти. Но валяло би ми о делби езыка, и
 о нѣговоме веку пробеседити. Могућность
 сбореня, с' којом е моѣ найсовершенство
 човека обдарила, кад се у напрезанѣ
 изговарања предметни речи изговарати почне,
 зове се Детиньство езыка. У овоме
 станю човекъ положен, едва е себе самога
 мало, и то сумрачно свестан, нити тад іошт
 зарилкуе свое у себи самоме найдрагоце-
 ніе быѣе, подражава себи равна створеня,
 а чрез ово подраженѣ, изоштрава свой ра-
 зумъ, и приуготовлява за моѣи толико ми-
 слити, колико му е нужно моѣи свое
 себе саме ясно веѣ свестне быѣе од
 свог вещества разликовати. Из овога Де-
 тиньства прелази езыкъ у Дечадство;

и већ починѣ и словесним т. е. понятним знаковма мисли свое обтереѣавати. Са овог степена прелази сваки езыкъ у младость, у којој како год младић залюблѣн у прекрасан оббликъ едне невице девојке, кои цели стасъ оддае неки внутренњи и еднак союзъ, из кога произиче чудесна сила, коя залюблѣнога младића духъ воображеня подиже, и без икакве намере, ако е пѣвунъ, а он краснодушна дѣла пева, и столпъ себи безсмертія, кои не смерть, не грозни рать, не ветра, не вода утаманити, и у заборавъ одвіяти; но ни промене и самога круга земног не могу: тако исто родъ човечески — рецимо Сербинъ — кои се на овоме степену изображеня у езыку свом Сербском налази, одбацивши многа доякошња предразсужденя из прадедовечног сна пробуѣен, за најсовершеніом моћу упуѣен, нѣну безвечну истину познавши духомъ восторжним певати, и свой езыкъ, кои се само на овај начинъ превитним учинити може — погледай на младу Сербкиню како пева, а и шта ради другоцео родъ Сербски — изображава, и ко прелазку мужественности приуготовлява и углаѣуе, да би чрез нѣга по здоровом разуму и чистой пемети као с' удесном справомъ мислити, разсуждавати, говорити, и мисли

свое другима лакше и яснѣе сообщавати могли. Сви народи, и сав родъ човечески од како є света и века менjali су не само место живленя, но и саме завичае и обичае, не само начинъ мисленя, но и сами законъ, и тако 'ће быти, док є света и вечности. А да шта и сам кругъ земни трпи, него меене и промене; не само оне меене, коима су люди узрокъ, него и сама природа непрестано труди се себе усовершенствовати, и своим променама родъ човечески у изображеню подпомоћи, и срећу нѣгову и намеру живота осрећити, и благословити? Нїе ли кругъ земни бью поделѣн у свом первобитству на тврдиню и воде, пак є моћ найсовершенїя за одлакшати роду човеческом начинъ живленя, сав кругъ земни поделила, пак морам и рекам облила, од куда 'су острови произишли, на коима 'су Общества — *Civitates sensu juridico dietae* — а у овима градови и тврдинѣ устроене, чрез коя се родъ човечески силами общим на выши степенъ чувства и просвештеня изображенѣ како телесно, тако и душевно подигло и облагородило. Но валя ми се вратити по нишану к' цѣли, моїой, због кое сам о свему до'вде реченом умствовао, и писао, т. е. к' езыку, кои є због свое ста-

рости и изнеможеня разстанаць моѣи од вештества претрпю, и оставимо езыке давно и давно умерше, пак узмимо за примѣръ найдощи т. е. Латински, кои е последњи изумро, и посмотримо промене, и иѣгове синове, т. е. Италианце, Французе, Португалце, Шпаньолце, или болѣ реѣи Кастеланце, шта 'су и какав 'су напредаць, презревши стари премда матерњи латински езыкъ чинили и поступали. Бацимо очи прво и прво на Италианце, кои есу найближи Латинском езыку, какву 'су промену учинили. — Ево какву — изобразили 'су езыкъ свой тако, да се сад najlepшим, найумилним и найслађим назвати може. А да нису почели свой езыкъ изображавати, него да су остали при изнеможеном мртвом Латинском езыку, би ли кадгод Петрарка овим божественим и живим израженѣмъ запевао, коим е на свом живом езыку учиню? Он е са своіом Поезіомъ преузвисю Латинског Овидіа и Виргиліа, а то не као да е он слађе и художніе певао, него Овидъ или Виргилъ; но зато, што е Италианцима певао, и што е живим езыкомъ, ньово живо воображенѣ лагше подпалити могао, него што им Виргилъ или Хораць може. Напротив опет другоячіе 'су Римняни осеѣали восторгъ Певца

буди он Хорацъ, или ма кои други бую; ербо е песма нѣгова по нѣовим обичайма, по нѣовом начину живлѣня певати была. Или преѣймо на Кастеланце, и запитаймо, кад би Garcilasso de la Vega, Yriarte, Moratius, Calderon, Латинским езыкомъ онако умилно запевао? Заиста лако се одговорити може никада. — Како 'ће дакле Сербинъ Сербину — као што вели Сима Милутиновић — Сербски Сербствовати мертвим езыкомъ? О основи краснословія и словолюбія! такову ли 'сте у духу младог Сербина трагу оставили* Или 'сте ви узрокъ сами вашег несовершенства и незрелости, или пѣгов союзъ умни сила не приуговлѣн біо вама у своме понятію место уступити, због свога песаюженя између моѣи себе саме ясно свестне и вещества внутренѣг и еднаког; Ове 'ће последнѣ заиста быти; ербо ако што желимо посеяти на нѣиву и лею, то нам валя исту пре тога припитомити и приуговити, пак посејани усевъ младом и нѣжном кишицомъ често опоравлявати, да би нам проникнут усевъ и плодъ с' временемъ принети могао: тако исто све основе мой млади Сербине досадашиѣ валя ти росомъ мудрости опоравлявати, ако желиш, да те предраз-

сужденѣ не обузме, и да не постанеш одзивѣ други Лица — као што вели Виландъ. — Прими ово мои неколико речи к' сердцу, и знай, да сваки човекъ онога, кои само слѣдуе совете здравога разума, и поученія чисте памети любити може, и кои едне исте мисли; една иста преимуѣства, едне исте способности, и то само душевности у себи ако не одраію, а он се труди и настои, нѣи себи присвоити, и у сердце и душу дубоко посадити; ако ли ти се ова моя умствителна доказателства не виде истинита, то знай, да я выше твой Сербинъ, и ты мой Славянинъ — будуѣи да против здравога разума и самога искуства и мислиш и сбориш — нити хоѣу, нити могу быти, и овим ѣнеш начиномъ спону внутренѣ спроѣу тебе любви прекинути, и у маглу групог предразсужденя отиснути се и стрменити, од куда те сами бдени твой духъ и найсовршенояснїя моѣ повратити, и у редъ собраѣе твое довести може.

С' Богомъ.

Я Д И К О В А Н Ъ
 за знатнима помершима
 С р б л њ м њ.

Єздећ горомъ стрменем се
 У ужасне мисли
 Па ронити из очію
 Грозне сузе поћем
 Ал се презнем', пробдим' умом'
 Покаемсе доцкан;
 Єр за лууду, гди страсть влада
 А разумъ стѣнѣ ми,
 Сав закономъ своевольним
 Угнѣтен поражен;
 И тако ми ноћ изчезну
 А зора заплави,
 Тад' с' упути ко извору
 Бистром, лађаноме,
 Да уміем очи мутне.
 И разведрим лице.
 И да спустим слабо тело
 На зелену траву,
 Па да чекам небеснога
 Цара топле зраке,
 И уморанъ єдва дођо
 До на изворъ хладни,

Свима главе ви дођосте
 Завидљиве виле
 Те сад истом притворности
 Сузе проливате!?!—
 Ха... ђут' слободняче!
 Бранителю Србства
 Маомъ быћеи Шеталице
 Пра и пепо ништи. —
 Нема у нас притворности,
 Нег' е жалость тужна
 Преобукла у црнило
 Јдно и ужасно
 Сав дворъ бели загоркиня,
 А яросѣу Старке,
 Коя нас е све до клете
 У заточеніе
 Ка овоме изворчиѣу
 Бистром, лађаноме
 Притерала а насилно
 Да цвилимо горко,
 Сузе ронећ непрестанком
 За Давидовићемъ,
 Зато што му безсмертія
 Не сплетосмо венацъ,
 Ер сербиі бія десно
 Па и оба крила,
 И ум' бодри те за среѣу
 Србства правоверног; —

И цѣлуйте заточанства
 Спасителя Вашег'
 Кои емство на се прими
 Да ѣ сплести венаць,
 Побратиму моме, славе,
 А у Ваше Име
 Ев' збор зборте с'а Юнакомъ
 Свию посестримкомъ! —
 Но ткос' нуди тай не чека
 Молбе, понуѣае,
 Нег' из грла, а юначки
 Пропева процвили:

- „Шта ѣеш докле л' тако истоветно,
 „Свеужасно и свеуцвелявно,
 „Адска волю, ти свегрозна судбо!
 „Негледавно л' чудовиште смерти
 „Неумитном твоіом косетиномъ
 „Подкидати по избору Србе,
 „Пріе рока и последиѣг' данка?
 „Сестра брата жалит' не престала,
 „Майка топрв єдинца закоца,
 „Уйца неѣакъ оплакуе тужни,
 „Стриць сыновца іошт' непрегоріо,
 „Заручника плаче вѣреница
 „Пак и вѣрни другъ своего друга! —
 „Та свог' друга свог' животу круга!...?
 „Ев' сузе га за нѣим' утопиле,
 „Видь очію с' гргомъ изгубіо,
 „Од печалѣ свіетъ оставіо,
 „Та у гору и у тмину цошо,

„У пустыню безкрайна простора,
 „Где і' ни мртвежъ а то ли е живежъ;
 „Дружбе страдма и безмѣрним ядма
 „Там пустио мах и узду посве,
 „Те г' и амо іоште начујмо:
 „Димитріе Давидовић Србе
 „Прежалит' се нећеш Србством нигда!
 „Нећеш Србством та не ни Славенством!...?
 „— — — — — ?...!
 „Већ смирен си та спокоемъ вѣчно,
 „Ал' те зналацъ немож' преболѣти,
 „Што не живлѣ Несторова лѣта,
 „У живота л' најважніе доба
 „Кад' но і' мозакъ свим' зрелостма цватакъ
 „Кад' искуство безцѣнно имуѣство
 „Та кад' сваком' и свима с' полезно
 „Живѣт' мого, бар колик' си іоште;
 „Да осрећаш свог' Народа срећу,
 „Да овѣчаш и свог' Србства вѣнца,
 „Да заслужиш почестъ у туђина,
 „Да изнућаш любовъ и душмаана
 „Свом народу, та свольности Србства. —
 „Ах баш за те м' сузе дотрајаше!
 „Та ни заким већ не бригле нигда!!
 „Ал' љу стати виш' твоега гроба,
 „Створићу се у тучева кипа,
 „Штитъ и коплѣ у по рукам' држат'
 „Тим и тако теб вѣчито чуват'
 „Како Дику и ко Славе слику.

О С Н О В И

П О В Е С Т И Ч О В Е Ч Е С Т В А .

Кад посмотримо свію люди начин' живленя, од найманѣ колебице, у коіой сама проста и света природа обитава до найвеѣ палате, гди блажена добродѣтель, среѣно просвештенѣ у правом и одкривеном смислу цвѣта;— и кад од найзлочиніег' и найзлюбніега трапа, у коме проклетство и пропасть пробуѣна, и закрвавляна упорность харамія, до найбезделніи и найзверніи градова морски, у коима отрова човеческога Рода, и праве едовите зміе леже, кое би да є могуѣ сав светъ смртним отровомъ утаманиле. Кад посмотримо велім' на такову разлику божіега ствереня, тада без сумніѣ признати морамо, да те твари, мораю имати причине свога тако противног свойства.— И заиста те све добродѣтели, у самой простой и светой природи и у ху-

дожественной, и сва злочинія, отрови и про-
 пасть човеческога рода, есть поводъ да човече-
 ство, од таковога страшила бежи, и ка
 просвещеню не само душевном, но и ко
 изображеню телесном тежи и напредуе. —

Свеблаги и милостиви Бог, кои е свію
 тваари вештеству уліо неку силу, коя у
 свима тварма дѣйствуе без да икаково ме-
 сто запреема ніе без причине чинію, — а бу-
 дући да е дѣйствителна, сама себе на то
 опредѣлява, из ког' опредѣленя произлази
 различность, а у наличним нееднакость
 тваари. —

Али су моћи са свим друга свойства и
 друга преимућства. — Моћ коя такође у
 тварима дѣйствуе, есть четворостручна;
 една е моћ себе саме невестна, кою 'смо
 горе силомъ назвали, друга е моћ себе
 саме тавно свестна, трећа е моћ свога
 ясносвестія могућна (и ова када се просвети
 ясносвестно дѣйствуе у човечеству), а че-
 тврта е моћ најсавершенія и најястніе
 свестна, коя се са вештествомъ никада саю-
 зити неможе, и зато е управо свемоћна,
 кою Србинъ творцемъ Господомъ и Богомъ
 назива. — Но да не би се упуштао у дубљи-
 не тайне природе, прве ћу струке моћ о-
 ставити природоиспитательима, нека се они

съ ньоме баве, силе нѣне испитую, да не само Мудролюбцу; но и простоневином пуку толкую и знанцемъ чине. —

Друга моѣ т. е. моѣ себе саме тавно свестна выше веѣ ко цѣли моіой принадлежи, и премда само у животиньѣ неразумной дѣйствуе, зато 'ѣу се я у найсвистнїой мало позадржати, како би с' ове као преко прилаза у могуѣно свестну моѣ, а с' ове у просвеѣено ясносвестїе лагше преѣи мого. — Тавносвестїя найсвистнїя моѣ дѣйствуе у Дивляцима кое Арапи на свом езыку Оранг-Утангомъ називаю. Ови Дивляци найвише се налазе у клалѣвству Лоанго и Конго, и као што Дапперъ сведочи пуно е дивляка, кои су у стасу по величини као и разумни люди, но много крупнїи а тако яки, да десет Арапа нису у станю єднога таковога Дивляка жива уватити. — Они иду на две ноге исправлѣни, а рукама се послужую као и ми люди; стаса су удесног, но напред тела чисти, а с' леѣа црнорутави, — нити им е лице много различно од Арапа, само у лолико што су им очи упаднуте у главу и што су гадни на изгледу. — Нїове женске имаю пупчасте прси, премда не бог зна какове красоте, а што е найприметнїе тако су зли, да немогу трпити кад

им се из близа у очи гледи, премда особито жене и кћери Арапа милую. — Од куда се види да природно осећанѣ за лепоту имаю, ер спроћу нѣови женски Арапкиѣ мсраю Венусь богиня быти. — И сами Арапи приповедаю страшне повести о овом обстоятелству за дивляке. — Они се чопоромъ по шумама скитаю, нити су Арапи животом од нѣи сигурни, премда другог' оружія немаю, осим песнице и батине. Они не єду месо него се раане као и други маймуни само воћемъ. —

Барботъ у свом' описаню од Гуинее такове дивляке Барис назнане навесћуе, придодаваюћи, да исти дивляци када се у младости увате, на две ноге исправлѣни, као и разумни люди иду, а употребљаваю се за носенѣ воде, за окретанѣ печеня, и за друге кућне послове; нити се стиде Арапи потврдити да тѣи исти дивляци не само што се кућнем послу обуче, него да тако као и сами Арапи говорити науче — али само када им є воля и када се на нѣи млоги послови не налажу — ербо се бое да им се јошт выше послова извршивати не намете; због ове причине неће сваки и свагда да говоре, од куда се по закону божествомъ дарованог ума заключити може да тѣи исти ди-

вляци преимуѣство и могуѣство мисленя имаю.

Ево нам прилаз и коренъ човечества, по кога ѣсмо се стаблу од ови свирѣпи скотски дивляка до самога просвештенога Европейца попети и доказати, како е човечество промисломъ и вольомъ творца из могуѣности ясносветія до овештествованог просвештениа и изображенога Гражданства попело се и еднако пенѣсе, а и мора. —

Много е времена природа потребовала, док е тако себе усавршенствовала да е мислену могуѣность у нѣжна два пуполька целом човечеству основъ и среѣу положи-ти могла, кои 'ѣе се док е света и вечности развіати. — Повестница првовечни векова врло е укратко списана, а зашто? — зато, што човечество у првобитноме своме развитку своясносветія, ние јошт у станю било неприметителну степенљивостъ и напрезаня ясносветне моѣи обширно потомкомъ своим приповедати. — Пак због ове нѣне краткости нас по разуму мислити и размишлявати нуди и натеруе, да е првобитни човечества развитакъ нејак и нѣжан быти морао. — Премда ми люди тек кроз овај светъ протрчимо, и будуѣи да одвеѣ мало са собом на овај светъ донесемо, осим едног'

единитог, моћи себе саме ясно свест-
 и е Могућства, кое могућство ако се споль-
 ним силама у дѣйствително овештествованѣ
 приведе, пак јошт ако е природном остро-
 умносћу обдарено, онда, као што муња на
 сумрачном небу засветли; тако целоме Чо-
 вечеству сійне, премда често и случај цело
 човечество ко вышем изображеня степену
 доводи, и тако цело Човечество у движенѣ
 стави особене силе нѣгове саюзи, да испо-
 линским коракомъ ко цѣли своіой ѣздити поч-
 не. — А различне причине заиста морале су
 се догодити, кое су очевидно Човечеству
 доказале, да ништа по єдинимъ силама у
 природи быти не може, за то су се членови
 Човечества из увиђене нужде и потребе у
 дружество с' біяти и ко цѣли своіой спрег-
 нутима силама приспети нагнули. —

Ми видимо да благословѣ божества над
 свима тварма лебди, свію твари биће чува
 и ко већем просвештеню, особито себи по-
 добноме суштеству управляюћи и воспита-
 ваюћи доводи; напротив опет и само преп-
 мућство и нагони, кои човека по природи
 развіаюћи силе душевне од части из разума,
 а одчасти из искусства не само изображаваю,
 но и по законима ума просвећую, а ово
 просвештенѣ изискуе справу и приуготовно-

сти, која су справа были Патріарси, колепоуправителѣи, владѣтелѣи па и наипосле Учитетѣи. — Ево како е природа промисломъ творца човечество навела да себи управителѣ, владѣтелѣ, кои су у исто доба и учителѣи бывали избере, а у ньовом управителству и поученю, отца, благодѣтеля, просветителя и предводителя к' правой среѣи добіе. — О блажени роде човечески, сада ти се моѣ твоя божеству подобна развійяти, и могуѣност свою у суштествованѣ преобраѣати почела! изиѣи на сусреть! —? на сусреть твога изображеня телесног', пак и пробуди среѣна побужденя просвештеня душевнога — отвори с' радостію двери сердца твога, и угости доброжелателя твои вредности и способности истинном лепотомъ у којой сам поедини союзъ внутрень и еднак измеѣу вештества и моѣи влада — прозри скрозѣу свію тако наречени предразсужденя плиткость, и укорени природнога права истину, коя дубоко, ал полезно и вечно, не само за родъ човечески; но и за целу свеленну трудисе и настои, како би се безвечни пуполякъ, у коме среѣа и напредакъ величественнога творца законима повинуюѣи се и покораваюѣи развію, и у пространству непонятномѣ процватію дѣйствомъ просте

природе! —? —...! загрли законъ любови и надежду у твоёмъ иѣжномъ сердцу, као истинито семенце целога вежества, наклоности и благополучія. — Свевидни и Свемогуѣи лебди над востокомъ и поспѣшествуюѣи Нилу, а одовуд Фенику те други степенъ човечественога просвѣштена развія и облагороѣава. —

Предѣлъ у коме би требало само дѣтинство човечества у наклоности и вежеству воспитавати, а оно, као што е на востоку пуполякъ човечественога дѣтинства лако и неприметително пропуѣо, и могуѣство неограниченога савршенства развіо: тако е исто у Египту стабло, а из овога гранчице изтерале. —

По целомъ е востоку родъ човечески, као по најкрасној и највеселој башчи одіо, и патриархически невинни животъ проводеѣи повлаѣо се, преправляюѣи и у савршенству юѣи себе у вежеству и познанству природе, како би на едномъ сталномъ месту, художествомъ и вештиномъ своіомъ из недара землѣ, а сонамѣрно творцу своему награѣенъ быти могао; а у Египту е свему овоме надао се, или болѣ реѣи уживаюѣи уверіо се, и тако е родъ човечески скитни патриархически животъ у благословено и полезно земледѣліе променуо. —

Сад е свако Колоно с' пуним правомъ толико, колико му е потребно было, землѣ задобило и присвоило али због наводненя Нила, было би им нужно сваке године присвојавати, од куда су се лако разпре и ина ти почели, чему е поводъ дало да се сва земля премери, сваком свое опредѣли, и свакога право чува, а то е поводъ дало да е сваки на својој земљи живіо, од куда е проистекла безопасность, правда, и редъ; не само вештественни движими и недвижими добара, него и нравственни, т. е. чести, а найвише неоценимога добра т. е. живота човеческог, кои се изгублѣн накнадити не може; — а ово све у скитном восточном животу, было е немогуће стећи и сачувати. — Ево дечадства човеческог рода, ево нов светъ у новом предѣлу, кои е чрез земледѣліе себе на коренъ среће установіо и утврдіо. —

Сви сад еднотушно почну мыслити, како ће себе прилѣжанѣмъ безопасности и реда цветомъ благополучія накитити и украсити. У свакога е усти законодавство као нуждан усевъ за срећу и напредакъ стаяло, док нису сви еднотушно законе, по којима им се владати и управљати валя, принели, њима себе подвргли, себи законоуправите-

ля избрали, и тад наклоности, кое 'су у востоку отчинске, т. е. патриарске были, овде сада грађанске, селске постану. — Гле дечицу, кая 'су се до сада међу овцама воспитавала, у училиштним скамјама навикњавати се реду, прилѣжаню и грађанској нравстваности, нити су египетска вежества прадедски оракула изреченія божественна, но законъ и политическо управленіе безопасности была. Сви су стари навичаи сад одбачени, и само у повестници место задобію, да би дечица нѣова, дедова и прадедова свои начинъ не само живленя, но и мисленя знати, и потомком своим приповедати могли; нити е Египетъ біо детиньско-нѣжна наклоность као у востоку. — Сада се утрне осећанѣ рода и порода, то ест колена, а уколени се почитанѣ великодушни дарованія како вештине у художеству, тако остроумность у наукама. —

Тко неће сад ясно осведочен признати, бар у сам себи, да се родъ човечески из простог и блаженог Шатора у великолепно куће и дворове преселио, и да е оклевето и омразіо пастирски животъ; како год што е доцніе Гркъ осудіо египетски начинъ живленя, кое се може рећи, да дечакъ изсме-

ява играчке невинне дечице, а момакъ мрзи *) на училиштну строгость; премда свою троице руге една из друге изтичу, а нити би Египтянинъ без восточни детински игри могло быти Египтянинъ, нити Гркъ без Египетског училиштног прилѣжаня Гркъ; и заиста ни едан предѣл земнога круга нема таково способно разположенѣ, с' коим би родъ човечески оном хитросѣу к' измишленю художества на толики степенъ совершенства довести и попети могло као Египеть; а за доказати погледай само на земледѣнїе, у koliko е природа са приливомъ и одливомъ Нила художество и трудъ Египтяна подпомагала. У Египту нема за правленѣ домова дрва, и тако су овим недостаткомъ натарани были, те су морали од каменя домовине зидати, а притом зато опет неби се у художеству зиданя — премда су каменаре богате имали — на тако високи степенъ попели, да нису приливъ Нила на свою ползу употребили, и каменѣ на нуждно место водомъ доносити могли и научили. — И овим начиномъ у koliko е веѣма ово художество цветало, у толико су и друга ху-

*) види: Johann Gottfried von Herder's Praeludien zur Philosophie der Geschichte der Menschheit. —

дожества овоме нужна вештиномъ Египтяна на выши и выши степень дизата была. Приливъ е Нила на велику ползу служіо и землемерію. — Када би и о ползи Египта, кою е он човечеству принео обширно говорити намераво, то би цели мой век само о нѣму говореѣи пропустити морао; єдном реч'ю, Египеть е очи ума целом човечеству отворіо, и он е зрака сунчана, коя е маглу изпред човечества ума разтерала и к' цѣли своіой наглеѣе упутила, нити се преѣутити може, да Египеть ніе біо човечеству не само благодѣтель и предводитель, но што е важніе, учитель воспитатель и просветитель, а и довека ѣе се називати. Ево коим е начинномъ и приуготовносѣу промисль творца човечество упутіо, показавши му путе, по коима право среѣан скупа у дружству граѣанском быти и назватите може.

Но ту е чворъ, што 'су Египтяни баяги известно уверени были, да на просвештеню пута нѣіовога никаковог разкриѣа нема, с' восторгомъ човеколюбія распалѣни, сву славу и цело прилѣжанѣ у пирамидама, обелисцима, швингима и лабиринту полагали и темельили; а до каквога су савршенства художество свое не само у зиданю но и у различном балзамираню довели, ово о-

сведочаваю свію знатности и старине описаня Египта, славни мужава, т. є. Француза, Немаца, Енглеза, а и други. —

Но нашто да се чудимо овой степенльи-вой промени и усавршенствованю човечества, кад и сама Мати природа при свршетку ствараня, окомъ свевидним погледавши, свезнанним умомъ, лепоту човечества тек вообрази, а савршенство изобилне природе засія — човекъ се роди....!!!! тада се гласъ гачу свемогуѣства: Исправисе! сам о себи оставлѣн, біо би животиня као и друге, али те моя любовь снажи, да будеш Господарь над животиняма видомъ и появомъ! — Ево како човекъ, човекомъ поста! — Погледай човече, коя ти є цѣль, коя ли справа оно постати, штоте природа натерує, и к' чему 'ѣ те временомъ довести, и до кога 'ѣ ти степеня могуѣность твои свойства зракомъ разума засіяну разцветати, да садашнѣга найпросвеѣеніег вештествованя границе разкрчиш, тайну деветнайсто-стогодног, од Хрістородія, непостиженя открієш, свестность ободриш да у синьость мійсли, штитомъ разумомогуѣности слабдѣн юришомъ удариш, себи двери неограничности отвориш, да би разумомогуѣность у овештествовано усавршенствованѣ електриче-

ском брзином подпуно довести мого! — О прѣсвета волю и опредѣленѣ Божества, дали се у кнѣиги твојой вселенности, потома и мезимца твога продерзльивомисленог, ако не баш истоветне бар наличне мисли налазе? — Тко мисли да є човекъ од створеня свагда просвећен біо, тай се яко вара, буди он мирски или кои му драго біо; будући да су се силе умне тек временом развиати почеле, и могућность највиспреннѣм воображеня чрез дѣйствителность у овештествованѣ преобукле, и ногу пред ногу, човечествоможним коракомъ по закону природе на поляну просвештени најпре душевног, а за тим изображеня телесног ступале, чрез кое се човечество приближавало ко внутренѣм и еднаком саюзу душе и свог духа посредственног са теломъ од куда є проистекла природна лепота, коя є с' помоћу спольни сѣйла т. є. художества, или болѣ рећи воспитаня таковом постала, премда се у истом дѣйству саюженѣ внутренѣ и еднако духа силе и вештества са искусствомъ родило, из кога є изощренѣ памети, и употребльиванѣ ума ускокомъ до граница самога воображеня єздило, а за тим на различне точке пропалазени многостручни справа, чрез кое су многа появленя целом чо-

вечеству на ползу служећа истолковата била; ер чрез нѣи многе 'су се хиляде година задобиле, а приузроковале 'су да е цело човечество подражавало движенѣ круга земнога на коме обитава. — Кад би родъ човечески све могуће справе имао, нѣи вешто на ползу свою употребити умео, тада би заиста човека по особъ а стим и свакога народа векови украћивалисе, коим би начиномъ сваки себе за најсрећниѣга држао; ерби сваки задоволян бити морао, будући да би средства вештиномъ употребљаваня на ползу свою обртао, и свима жељама своим, кое би из самога разума проистигале, лако за доста учинити могао; и тада би истом у бездну тайне природе очи и ума и чувства отворити могли, нити би нам се чудеса непостижима но јасна указивала.

Овакове е човечество справе многе од постаня света проналазило, чрез нѣи многа непостижима јасна учинило, себе из мрака у светлу видностъ доводило, а шта друго и данашнѣг века ради? — Него измишљава справе, с'коима себе свагда срећним и задовольним учинити намерава. — Шта помаже Штајерцима у долини Іллансъ пазваной живећим о просвештеню трудитисе, кад ѿ сама долина чрез нездраво расположенѣ воз-

духа у простоти задржава, која умъ човека не да изоштрава но тупи и ослабљава, стимъ выше, што наклоность и могућность способности предуготовности дремљивим чини; — а будући да природа прескока не трпи, зато се нетреба чудити, што Египтянишъ у пачину мудрованя ние могао данашњим Немцемъ постати, ербо е оскудѣво у понятію, кою е овај, саразмерность сила са вештествомъ саюзивши лакко постићи могао; нити се чудити морамо, што ние художественнимъ Енглезомъ постати могао; ербо га е време природно због недостатка искусне вештине у сиромашномъ степену просвештеня, с' предразсужденя зракомъ погрузивши у окови изобразителне природе задржело, и он е такови, каквога е нѣга Богъ и клима воспитала. — Али пре него што пређемо на већи степенъ човечества, у комъ е просвештенѣ у праву дѣйствителностьъ приведено, валя нам ланаць, кои е до смерти човечества (као што се гдикомъ изяснюю) пружен истолковати. Будући да осебице човекъ никада ние са свимъ савршенъ, него се довека у развитку не само телесни, но и душевни сила, у напредованю и усавершенствоваваню налази, Дѣйства рађаю се една из други, една другима се подвргаваю, и тако сва ску-

па саюжена внутренно и еднако са вештествомъ себе у садѣйство полагаю, од куда проистиче природна лепота, коя є човечеству обаалила преграду мнимога немогуѣства, и показала, да ништа у свету нема, кое се у дѣйствителности временомъ овештествовати не може, ако є само могуѣность у божества кнѣиги ма у матиматической истом точки найсавршенѣим и найяснѣим умомъ забележена; а често една єдина могуѣность у ланцу други могуѣности, веѣ у дѣйствителность движимо ставлѣни, двери, и себе у овештествованѣ движимосѣу поставити моѣи, отвара. —

О архі-пелагу, и ти средиземно море! ви 'сте фѣнікіане среѣно пробудили, за жижкомъ напредуюѣега разума себи примамили, лакшем и веселѣем начину живота научили, и управо реѣи ви 'сте были изворъ мудрости, и среѣнога благостояня, да 'су сви єднодушно, презревши Єгипетске пирамиде, по мору пловити, а заборавивши на обелиске трговину подизати почели. Они су први трговиномъ државу основали, коя се и ван Азіе простирала, народе умножила, нѣи саюзила, а чрез саюженѣ извештила различита нова художества произнаѣи. Сад у место пирамида почну се морске лаѣе строити,

по свету трговине ради путовати, а какову смо из његова, путовања ползу задобили? многи ће рећи баш никакву. — О предразсудна невежо и уштербу човеческога разума, и његова просвештења, нису ли они највећу благодѣлницу, највећег учителя, кои нас е из таме глупости предразсудљиве и мрачнога невежества искупио, произнашли, под именовъ стакло, кога смо ми овештествованѣ по математическим природе законима тако приуготовили, да у вселенну Божества не блеймо очима чувства телесног, но окомъ разума и разумности гледамо, ово е заиста срећно и благополучно тренуће было, кое е людма постепено очи вооружало, тако, да су дальность у ближину претворили, и горду непостижимостъ у смиреноруво постижимости преобукли. — Прва велим подигне се трговачка држава, на самцитој трговини основана, која е управо рећи принуђена была народе едан с' другим скопчавати, и собом узаямно саюзити. — О! какови е ово нови коракъ ко развиту човеческога Ума, сваки лако увидити може, будући да е по природи пастирски животъ јошт у Египтянима умалио се по сад са овом новорођеном державомъ готово несрећним постао; ер осећанѣ рода, закона, и мирни

селски животъ исчезну, а видъ управленя пође ко слободи общества, о којој нити 'су восточници, нити Египтяни право понятіе имали. — Па шта јошт више на малом трговачком острову, морала су поглаварства, од градова, дворова, и колена поста-ти, а у целом, нове промене у виду човеческога содружества. Сада мрзость проти-ву страни исчезне, и Финикіяни почну по целоме свету ономе добу познатоме тумарати, коим га начиномъ јошт већма распро-страну, художества различита умноже за дивоту, од куда произиђе други начинъ ми-сленя, друга полза, наклоность, и духоза-бава, шта више презревши незрелу тешку и тайну поповску хіероглифию лакша и упо-ребнија числа за рачуне а писмена за читанѣ изумедну. Египтяни сви морепловне Фини-кіяне низашто друго, него као проклетиню и аветъ човеческога рода почну држати. Восточници Финикіянима почну пребацивати да су човеколюбія, а Египтяни да су оте-честволубія осећанѣ ослабили; они, да су любовь и животъ; ови, да су верность и прилѣжанѣ изгубили, па јошт восточници су и због светог осећаня вере и закона Фи-никіяне кривили. — И зби се — !! — ? Али напротив из свию ови причина развесе напра-

сно/ цвѣтъ разума и мудрости, од куда е
 произишо нови начинъ и лакша способность
 болѣг и пространіега живота, кои е постао
 прилазъ ко Грчком вкусу и нѣовой слободи.
 Египтяни и Финикіяни билису близанци ма-
 тере восточне, кои су очевидно Грецію, а
 стим и дальни светъ изобразили и просвети-
 ли, у колико е ондашњи времена могућ-
 ность у дѣйствителну вештественость пре-
 обучена была. Они су заиста орудіе напре-
 дованя у руку судбине были, коя се непре-
 стасно трудила, о томе мислила, како би
 цвѣтъ човечества лепотомъ истинога просве-
 штеня накитила, нѣга у башту човечности
 усадила, па и найпосле лепоту нѣгову у
 виспренну красоту преобукла. — — ... О да
 прекрасног и премилог осећаня, кое е у
 прсима младог човечества заиграло се, пак
 е постепенно из сумрачне свести, кроз свит-
 ность у ясну свестъ цвѣта младости пре-
 шло! — Гле красоту човеческога рода у
 склику Муза умилно — из топли груди мла-
 дости — текуће — нѣжним гласомъ пева-
 юћи на славу превеличественнога творца,
 кои е премудро установіо и уредіо, да
 родъ човечески баш у Грчкомъ вкусу и сло-
 боди найсрећнию и највеселію часть свога
 живота на угледъ потомству, на утѣху во-

сточной матери своіой, на цѣль найсавер-
шеніе моѣи, у богиня святилиштама неоце-
ниму младость свою проведе. — О блажен-
ства човеческога Рода! о найсреѣнни цвету
искреннога пріятельства, природне накло-
ности, блажене и сладке слободе, а преми-
ле любви, кои си се у плодна прекраснога
предѣла недра посадію, те си постао пито-
мац своію Милина, любезникъ пріятни Муза,
и побѣдитель пред Олимпомъ сваке игре и
борбе, — сад се наново цвѣть из цвѣта раз-
віе — то естъ грчка лакость у певаню, нѣж-
ность у обхожденю, а узаямно побратин-
ство у ревностной єдномислености приуз-
роковало є, те су веселу игру богиня Ве-
нусъ, Аморъ детенце, и нѣжне прекрасне
Милине започеле, коим су начиномъ вило-
словіе, пѣванія, мудролюбіе и полезно ху-
дожество, развили првобитне пупольке, кои
су управо овде време и место нашли ка
цвѣтиню, и на све стране света мирисаю;
пта выше чрез то постане колевка човечности,
народолюбія, полезнога законодавста, прі-
ятности у закону, нравима, начину мисле-
ня, певаня, писаня обичайма и художества-
ма. — !...?

Ево какове су причине ко розвитку чо-
веческога Рода у помоћ притрчале, и я за-

иста изводим све те причине, само због обштера саюза времена, предѣла и народа. — А погледай на оно прекрасно Грцеје поднебѣ (клима) *) и у нѣму благоизображено човечество, с' ведрим челомъ, и са здравима чувствама. — Но будући да све силе човечества, кое су у себи саме една моћ, само се у употребленю на различне предмѣте код поедини люди разликую, а иначе ка савршеной обштой истоветности у узаймном согласію дѣйствовати мораю; велим да дѣйствовати мораю — но како? валя ми најпре питати, како су те силе у узаймном согласію дѣйствовати морале? — Ово питање подразумева свагда, да су све силе дѣйствуюћи, морале имати и вештественне предмете, у коима су дѣйствовати могле. Ови су предмети били у човечеству особена лица или особена организирана вештества т. е. люди, кои 'су се узаймно силама воспитаня просвећавали и дѣйствителности моћи свое вештнну прибавляли, која се само

*) Преписиваюћи ову повесть у присудствію Г. Симе Милутиновића; запитам га како би реко на Србски Клима, а он ми одговори Поднебѣ или Поднебъ, или Поднеба; у сва три рода; — зато сам ову речъ као одобрену и употребію. А тко зна болѣ широко му полѣ. —

чрез упражненѣ задобити, и задобита на
 вѣнши степенѣ приуготовносѣу возвисити мо-
 же. — Но премда моя цѣль овде нѣе грани-
 це просвештеня опредѣлити, т. е. шта се
 зове просвештенѣ? изяснити, него оѣу да
 кажем, какову е ползу Греція целоме чове-
 ству принела. — Она се заиста може назва-
 ти добродѣтели деверѣ, кои човечество
 води ко просвештеню душевном, и к' изо-
 браженю телесном, кои су се племенито и
 благородно у внутренѣи и еднак саюзѣ сдружи-
 ли — нити се може преѣтити, да ове две
 прекрасне човечества кѣри, т. е. пресве-
 штенѣ и изображенѣ нису водиле духѣ грчки
 по великолѣпним Храмовима Богиња, у кои-
 ма су видомѣ свога воображеня хвалили,
 почитовали, и славили кѣри божества, као
 нѣгову истоветность, и као питомке иайса-
 вршеніе моѣи, а тим су начином сваки себе
 по могуѣству свои душевни сила почитанія
 достойне богове у виду знакова умно изми-
 шлявали, чрез кое су измишленѣ освоили
 слободу мисли явно и у дѣйствителность при-
 водити. — Ово е причина и поводѣ кои иѣ
 е довео на найвѣнши степенѣ Поезіе, а то е
 права истина да човечество неможе, неможе
 никада ко правой слободи приспети без ду-
 шевног високог просвештеня, нити на про-

тив ко душевном високом просвештеню, без праве слободе мисленя; — а ово 'су Грцы обое притяжавати морали; єрбо на путу никакови противни предразсудни сімла имали нису, и тако им се непостижимость разведравала, те су управо тим путем, кои є преки и найближи ко просвештеню, пошли, и срећно приспели, а не другим, — шта выше Грцы су ревностни были тако, да не само су измед себе него су и вароши една с' другом а све скупа взаємно ревновале, и премда 'су поделѣни были на различите діалекте говореня, на обштества, населнике, зато 'су они сви єднодушно обштим Духомъ ко просвештеню тежећи, сложно дисали, єднако осећалу, и яви синови єднога отечества братински живили у любви и согласію!...! — Ово су од части главне причине были, кое су восточну и Єгипетску свету завесу с' релігіє скинуле, и по природи, будући да 'су у театру найвыше релігію свою изображавале, зато им є релігія поста-ла сань младића и девояка, — и заиста є мого стари Свештеникъ Єгиптяна повикати: „О ви вечна дечице, коя ништа незнате а много жуборите, ништа немате, а све тако лепо и умилно показуєте!“ — А восточни Патріарх с' већим правомъ мого би воціяти:

„О ти невинна Младежи човеческога Рода, која у место Религіе, човечности и добродѣтели, само любованѣ проводиш. — Ал марак — кад човекъ не подпуно усавршенствовати се вредан, но тек ко савршенству приближитисе, кое 'су Грцы нѣовога доба явно показали. — нека се у обстоятелству времена сходно и духу и Религіе, и човечности, и добродѣтели, и любованя воспитава, и воспитанѣ свое облагорођава; нити е Грцыма могло Египетско прилежанѣ и полиція помоћи; а зашто? ербо нити 'су Египетъ нити 'су рѣку Ниль имали: с' друге стране не им ни Фінікіанска трговачка Мудрость помоћи могла; ербо нису Ливанѣ и Индію за леђи имали. Но доста зби се, што е требало да буде. — Греція поста цвѣть прости природне лепоте, кои е у човечества младићу процватио. — О та да е вечно цвѣтати могао!!! — Но тако е а не другојачіе быти могло, будући да су они свету природу, нѣне показиваюћесе силе у свима тварма познавати почели, нѣой и сами свой животъ подвржавали, воображенѣ, езыкъ, художества, науке по свом виду немашимом, ко савршенству приводили, а будући да 'су сами себе природи подбацили; зато су све природно просвѣщенѣ ондашиѣ

зрелости присвоивали, а да природа ніе ништа друго, него лепота, и то у правом и откритом смислу истоветне свойствености, која є у духу Греческом процватила причинивши, да су Грци свако свое движенѣ буди телесно или душевно превиспремом лепотом китили и красили, нити су они восточни Фінікіански или Египетски видѣ мисленя и поступка задржали; него су све по бистрог воображеня вкусу, у дѣйствително овештествованѣ приводили тако, да и дан данашњи у израженю праве лепоте, обичествуемо казати: „Ово є управо грчка лепота; и заиета се само на нѣи управити може славногъ мужа Шелинга краснолюбно и божественно слѣдуюће изреченѣ: *Nur durch die Vollendung der Form kann die Form vernichtet werden.* — И никада небесни Шелингу ниси већу истину изреко. — !!!...? —

Све у свету има свой законѣ, вели великодушног Виланда султанка, а ово ће рећи, све на свету има свою цѣль. Здравлѣ, кое сваку тварь к' цѣли незакосно води, єст природно станѣ по закону вечном. — Врлость — или као што већа часть воле — добродѣтель є здравлѣ нравственног човека; а блаженство є обшти плодѣ обои ови свойства. Но знам, да ће ми многи преко носа

бацити говорећи: Та то смо ми код Тлац-
 глакакапатли, Хердера, Волнеа, и други
 славни Списателя по гдикои мести налази-
 ли. — То є истина, но ако по основима все-
 ленним сав светъ створимо из вештества и у
 шѣму дѣйствуюћи моћий, то 'ће нам се ма-
 гла с' ума сићи, нити ћемо по Платону,
 нити по основима Перипатетика, Стоишта,
 Афероиста, Осамиста, Томиста; но по за-
 кону природе мислити, кое є јошт Аристо-
 телесъ свога времена приметіо, о њима ум-
 ствовао, пресудіо, и потомству за вечити
 споменъ оставіо, да по правилама ума о-
 строумно мислимо, целу будућностъ шилюћи
 к' ближњѣм познаваню природе — онда ве-
 лим најновія па и данас јошт у праву дѣй-
 ствительностъ не доведена, која ће нас јасно
 осветити, и на степенъ прекрасног просве-
 щеня довести, те ћемо основе краснолюбія
 јави ули, па по њима нас управляюћи вос-
 питавати; ово су велим таковог мужа — та
 да му славу не умалим — огледало совршени
 наука свестне учености, и он є заиста боги-
 ня мудрости, т. є. Минерва Мађарске, ах
 та Европе — шта? — целог круга зем-
 ног — шта? — свію светова, и целе все-
 ленне побратимъ Мудраць, и питомаць нај-
 савершеніе моћи, мужа велим Лудвика Ше-

діуса — вѣчна му буди слава!!! — Кои ће као зрацы сунчани засіяти и цело човечество у зрелость доводити до тог', да му сердце неће быти у непрестаном немиру, нити 'ће быти несити адъ, но у напредку среће и благостоянія, не тек у просвещеню; но и у нравственности, коя судбу човечества ослаћуе, и ко већем просвещеню мами, да се испуни законъ вселенотворни. — И заиста да є Діогенъ, Цинійски Мудролюбаць знао, да ће се овакови мужъ, тек по новом предразсужденя брою, у осамнайстом столѣтію родити, одранути, научити, а у деветнайстом пуноясно просветити, то би и он, да му є могуће закасно свое рожденѣ, и тек сад пун благочестиве мудрости остроумни фенѣрь свой запаліо, тражећи мужа заслужног, зрелог, кои непрестанно испитуе природу, како би се у ньой Нешто — а шта? — то єст могућность тога нешто, и уговоръ те могућности, тад' особито опредѣленѣ тога уговора, по обштим законима природе одѣйствовати, а тим начином роду човечества, роду свемоћства блистаюћу ползу прицети могло. —

Многи ће може быти од мудрочинаца рећи ми: „О ты безумни, кои незнаш, шта є проста сласть задовольства, да си ты жи-

віо међу Гринландезцы, Лапце, Камчадале, Ескиман, и Хотентоти людма, иои под различним поясима землѣ живе, тад' би се уверію, како мало потребую, а са своим станѣм' су баш задовольни; — но истим правом могу и я свима тако зелено мисленим на кратко одговорити, и то по законима — природно већ просвећени люди — разумним, да сви ти задовольни, телом а не духомъ живе, и да код нѣи осећанѣ духа іошт се ніе из сумрачног' свог' станя пробудило. — Ово ме се не треба ни найманѣ чудити, што се ови пароди, по нашем начину живота не владаю, кад и сами Грецы были су од времена Пізістратовог, најпросвећени, најостроумни, и најизображеніи Народъ Старине, пак какав им е быо Солонъ? кога су сви єдинодушно иочитовали, и као найвећег Мудраца и Законодавца; ербо му е име и дан данашнѣи почитаня достойно, праведно ценили. Пак како е он о свету мыслію? Ево ѣе пѣгове речи явнио осведочити: „Я, вели Солонъ, посвећуем сав мой остатакъ живота Венусь богинѣи, Баху и Музама, као єдинитом извору свію людски радостіи“ — но зато нека нитко не мысли, да я с' овим примеромъ рад сам опадати Солона, ая, но тек доказати, да

кад тако великог духа, и заслужно — слави Мужъ, осећаня своя телесна, и пріятне забаве у богињи Венери, Баху, и Музама налази, — како неће Лапше, Гринландезацъ, и други горе напоменути, сву славу живота у самом елу, пићу, и другим телесним забавама, сласть и осећањѣ живота полагати. —

„Човечество остае свагда човечество, нити ће што друго бити, док е света и вечности“! — ? —

Дакле у чему се разликуе први човекъ, који може бити ни видъ човечиег, просвеште­ниег печата не имо, од данас у Европи живећег? на ово морам од већ сувопарно одговорити: — У истоятности, онда тек у могућности, а данас у овештественной дѣй­ствителности, налазећи се. — Многи ће ми измеђ читателя рећи: „Сигуран сам, да ово ни ты сам, који си написа, не разумеш, нити знаш, шта си с' тим хотео казати.“ — То би ми врло жао было, кад би се и та­кови читателя нашло, који би од почетка до овог изреченя све подпуно разумели, а ово и никоим начиномъ; и за немогуће у­право држим, ербо сам о том подпуно у­верен, нити налазим за нужно с' тим време губити, него погледай на рѣку, која из ма-

лог извора проистиче, како расте, рони, зараня, како се као змія савія и напредуе, како прима у себе различне воде, и потоциће, а и ніе ништа друго, него вода, рѣка и капљице! до год се не сліе у море. — О кад би тако и с' човечествомъ было — ал' и болѣ — ербо е оно за већу цѣль и опредѣленѣ створено; — но то нѣгово опредѣленѣ зависи свагда од здравог стаса и састава обшества, и од нѣговог постепенног развитка. — Ово сам я већ еданпут напомено, но нисам се доказателно подпуно моим читателѣма известио.

Сва наша преимуѣства душевна, вредности, и способности, зависе од подпуног развитка састава телесног, а овај развитак, задобити се може, ако се подвижмость дѣйствителни сила са непокретним и мртвимъ вештествомъ, по закону природе внутенно саюзи, и взаимно согласіе произведу. Исландезъ е слаб, немоћан, туп у свима своима чувствама, из ког недостатка проистиче глупость мисли, то ће рећи едном речцомъ, нема развиен саставъ тела; а будући, да ко саставу тела принадлежи усовершенствованѣ истога, зато е оскудан и у разуму. Но зато нека нитко не мисли, да 'су Исландесци зато од природе глупи, што немаю

могућност и наклоност ячи сила и вишии преимућства; него зато, што им е саставъ неразвѣен целог скупа тела. —

Пренесимо чедо Исландезче на предѣлъ землѣ, гди просвећени люди обитаваю, то ће заиста и оно разумним човекомъ, и ако се по законима разума узобучава, и просвећеним постати; напротив опет однесимо од најздрави пар люди, чедо из здравог предѣла землѣ у Исландъ долину, то 'ће заиста Исландезцемъ постати. — Светъ, кои е у пространству вселенне различнодѣйствителним силама, из скоро тек мисленосѣу постижими частица у различне саставе, т. е. организаціе сатворен, и кога све твари дѣйствую, неможесе ни поњати без движеня непрестаног; — колико е година проуило, док е напредуюћи до сталне точке приспео, на којой е прву чауру свукао, и у савршене Суштество по природе закону претворио се. Овакове е велии точке и непостижима вселенна проездеила, док е на садашињ вечности степенљиву точку (за нас сад живеће најсавршеню) приспела; а кад би ме тко неотице запитао: „Дакле на којой ће точки вселенство налазеће се савршенства нашег круга земног, осрећити свакога човека, а с' тим и цело човечество?“ —

на ово питањѣ накратко одговорити мо-
рам, да свако средоточіе има свойствено
благополучіе у самом себи! нити є Младићѣ
срећни, него едно невино и задовољно де-
тенце; нити є скромни, мирни и слаби ста-
раць несрећни, него снажно поспѣшеству-
юћи Юнакъ. — Шеталица бие непрестан-
но, и то еднаким маомъ, све тежи к' са-
вершенству! нитко ніе у старости самаць,
а ово є прави темель будућности — кое по-
сведочава и само Наличіе (Analogia) у при-
роди, а одзива подобіе Божества у свим
тварма! — тако явно говори и човечество!
тако збори напредакъ поспѣшествуюћег
развитка, о грдна величино! о пресвето на-
меренѣ наймоћніе силе, коя се у вселенни,
вечним дѣйством разпростираш — —! — —
Ты си олошъ света у свой редъ довела, да
л' без икаковог опредѣленя, — не; — но
будући да си ты сама Моћ себе пайясніе
свестна, а вечно дѣйствителна, зато си це-
лу вселенность, дѣятелносћу твоіом заду-
нула, ню у движенѣ ставила, и по законима
твое истоятности у редъ непрестанности
увела, да у вселенности вечитом силом, пу-
таньом степенливости, к' савершенству
тежи, и преко Маратона славолюбиво за
Греческу златну и драгоцѣну слободу юнач-

ки бори се. — Доста — ако ми пође за руком завѣсе позоришнога човечества поредице поскидати, без да њй подерати морам, како се една за другом навлачила, и будућности прошастностъ сакривала, и у единственим тренућима, кои су сви были справа к' опредѣленю човечества — онда њеши Србине видити, какови ње то бити взоръ на повестъ човечества, на бденостъ нѣгови сила, која се у единственим лицама появлявала, и дѣйствителносѣу својом, толику е кадроствъ имала, да е целом човечеству очи ума отворила, себе из природног суровства извела, и у банти божества, као најкраснии цвѣтакъ, све твари свемоћног накитила, и украсила. — Па и одо на — — — —

О Д Е Л Е Н Ъ Д Р У Г О .

Нити цвѣтъ цвати без семена, — нити плодъ сазре без цвѣћа, — време е већ настало, да и весело смеюћисе Гречески човечества Младићъ у бодрю мужественостъ по нагону у округъ летећег времена пређе. Ништа на сталној точки не остае, а и сунца е ли ово свойство свагдашић тек ње време показати моћи. — К' савер-

шенству то све широм тежи! — Римляни у мужеству човечества живећи, шта су друго и чинити могли, осим подвргавати Народе, као човечества својој влади. Сви су од њиовог мужественогъ мача стрепили, а докле? док нису узрастли, остарили, и док не гласъ грозне смрти загрміо „згрувайте га“ јуришомъ опустише Римско Царство. — И то сѣверни Народи. — А шта њи е на то навело, свак разумни може слѣдуюће причине за поводъ признати као најпростіе, а притом и најистинитіе. Будући да под сѣверном климомъ не быо могући животъ восточно патриархически, ни чобански; ербо су теже потребе и нужде овде човечески духъ обтерећавале и тиштале, него у востоку, гди е природа матерњом својом врелом любовію за мезимца свога дѣйствовала; напротив пак сѣверни ладни воздухъ га е очеличио и окалио, него што би икада у топлом востоку и југу отврднути могли: ово е права истина, да е човечество у овом предѣлу постало суровіе, нити су му нѣгова мала содружества тако тврдо скопчата остати могла, но управ рећи дивля су постала; ништа манѣ човеческе свезе су с' тим веѣма оячале. Све нагне дакле к' савершенству веѣм, а будући да нити се човеческо бла-

гополучіе без савершенства, нити човечность без нравственности задобити и прибавити може, — шта выше? — Определѣнѣ е човечества к' нравственности яко у природы увіено; неизброима се столѣтія изискую тек к' приближеню усовершенствованя, за то се истоятном никада приспети неће. — — Море се сѣверно заталаси од Народа, и тако е таласъ едан другог, а народъ народ' засипо, сви еднодушно подигну се, обкопе и зидине около Рима развале, и тако се све упропасти. — О! да е было коме стати, па гледати, какав е приливъ и разливъ западъ напао, како ли се све утаману, какав ли е сѣвернозападни светъ човечества! —

Тко станѣ Римског Царства — премда су они были у нѣово време изображена вселенна — у последнѣм столѣтію узпримечава, тай се мора особитой накнади човечески сійла чудити; како е определѣнѣ просветльиви сїла зрелость Обштества Римског разслабило, и яви угнило, из чега е нередъ, слобода, непослушенѣ закона и устава, а найвыше дивія ратованя гордость пропушила и убрзо народъ упропастила. Сва Римска вержества нису могла надокнадити силе, ербо су већ изчезле, да би разслабљѣно Царство укрепили, будући да им е духъ владе утр-

пуо, и истом е као мртво тело у крви лежало. — У свету ништа не мируе, ербо се састои из вечитодѣйствуюћи сійла, кое, ако у овом вештеству нису выше кадре дѣйствовати, због надвладаня, природног свойства вештества, т. е. непокретности, или болѣ рећи мртвила; а оне траже у другом вештеству дѣйствителность свою с' непрестаним движенѣм внутрено саюзити моћи, — зато се у сѣверу ново човечество — (ако се с' овом речю изразити смем) — ново велим човечество преродило под одморном Небу у пустинѣи и дивлячеству, од куда се нитко живи надати не мого, да ће ограанути крепчѣе пролеће, кое е родъ човечески наситиом рааномъ наранило, пресадило, новом природом задоило, да е богату жетву за човечества од вечности опредѣлену судбу преплодило, ко веѣем степену, не тек просвештеня душевног, но и изображеня телесног приуготовило, и правой цѣли благородной путе разкрчило, по коима ће на славу Божества, на поносъ ясног своесвестія, бистрим умомъ, развіяюћи своя божествомъ даровата преимуѣства, нѣи истино у духу свом познаваюћи поитило, свой нови светъ од средиземног до црног, Атлантическог до сѣверног мора распрострло, и показало,

шта су Вандали, Хунни, Херули, Бургуинди, Англи, Бугари, Лонгобарди, Французи, Славени и Готи кадри учинити, да се разслабљено, Римскимъ разкошствомъ, човечество живим, дѣятелним и снажним духомъ опоравити може, — — по нека нитко не мисли, да су силе човечества само својом дѣйствителношћу свему овому причина биле — не — по мудри закони и сходне уредбе Римске, с' којима Римљани нису знали сами себе од пропасти сачувати, довеле су малочасъ напоменуте народе човечества на позориште изображеня света, премда су ови новодѣятелни Народи, Художества и Науке, разкошство и нѣжностъ, кои су човечество умножили, презрели. По будући да су у место художества благодѣтелну и просту природу; место Наука, здрави сѣверни разумъ; место нѣжности, крепке и добре, премда дивіе — обичае са собом донели, и саюзивши сва ова урођена свойственна преимућства са Римскимъ законима, и с'ходним уредбама, лако су сва своя благонаравна преимућства у сред добродѣтелне човечности усадили, по закону здравог разума, цвѣтъ добродѣтели и врлости, мужественном бодросту, осећанѣм чести, поверованѣм разума, истиносту богопочитаня, укра-

сили, и себи у место членке, заслужнопо-
носитим правом на угледъ будућности и на
славу свойствену задела. — Шта више? сад
установе узаямну зависимость између упра-
вителя и грађанина, почну предѣле, на кои-
ма су живили, обделавати, и поспѣшество-
вати к' срећи, напредку, кои им приузро-
кую здравлѣ и задовольство. Ньово цѣло-
мудріе и честь, о којима су они яко насто-
явали, была им е чистота телесна, а чрез
то изображенѣ телесно, кое без просвѣште-
ня душевног нигда се задобити не може. —

Сваки здрави разумъ имаюћи, може се-
би лако представити, шта е човечество чрез
ово врѣнѣ задобило, да е све под мале све-
зе, оделенѣ, и узаямно подвргованѣ подпа-
ло, чему е причина была, да су еданъ о
други тарућисе — кресали, и тим начиномъ
едан другог електризирали, и обштом си-
ломъ изоштраваюћи умъ по степенљивом на-
предку у дружству, едан напред, други
остраг ко познаваню свои внутрени моћни
сйла, к' ясной свести приближавалисе. Сва-
ки се вара мислећи, да би човечество овим
само силама до данашнѣг просвѣштєня за
тако кратко време приспело, премда се
природа появлюе дражія, у колико е већ-
ма познаемо, и премда она ко сваком дѣлу

остроумія за угледъ служи; а будући да е
 нѣно савршенство постепено, нѣна мудрость
 непостижима, ербо дѣйствуе по П р о п и с у
 у тихом напредованю, и у непорушном
 реду, зато е провидѣнѣ установило, и к' о-
 вом новом, велим новом вреню сѣверни со-
 кова, іошт єдну нову и ячу силу приугото-
 вило и помешати потрудилосе т. є. Законъ
 Хрїстіански, кои є у своіой простоти при-
 родан, и Божій, ербо є и он у просвеште-
 ню човечества величественом своіом просто-
 томъ яко подпомого. — Я се ни найманѣ не
 надам, да би тко тако малоуман быо, и
 предразсудно пуко мислећи мене за Єретика
 осудіо, што я Хрїстіански законъ, као на-
 гонъ ко просвештеню човечества узимам,
 кад є законъ Хрїстіански, Законъ Бо-
 жіи, кои є основан на божества обштой
 волби, и он є управо точка, на коіой цело
 човечество сву свою срећу напредованѣм о-
 благополучити мора, нити би иначе право
 просвештенѣ ума и изображенѣ сердца по
 закону разума приспело и укоренило се.

Законъ старог света, кои є из восто-
 ка преко Египта у Грецію и Таліанску до-
 шао, у сваком є смотреню быо іошт незрео,
 и управо рећи недѣйствителан. — Кад по-
 смотримо стару Митологію Грека Римняна,

коя е была тек] политическо Народоуправленѣ, то 'ће се сваки димомъ ѣутљивости загушити — — ... премда е она была управо реѣи основъ добродѣтели целог тадашиѣг света. — Римске жертве за отечество состояле су се у ратной нечовечности — Греческо младочестіе и славолюбіе — гди е оно? гди е стари Египетски духъ? кад су Грецы и Римляни у своим предѣлима установили се? да ли е могло мудролюбіе находити? — ни на кои начинъ; ербо ніе было мудролюбіе, да шта? лукаво мудрочиніе пуно мнѣнія, без силе и известне истине — кое нису у станю дѣйствовати на човечества сердце, и управо зато су се морала столѣтія и просвѣщенѣ упропастити. —

Погледай на позориште ново, у коме се народи налазе, како су све оно, што су пре презирали, или што нису могли постиѣи, т. е. Римску митологию и Мудролюбіе, као изображеня ступъ и видъ нравствености, свесердно примили. — Ербо им ньюва сѣверна Релігія, као остатакъ восточне, на сѣверни начинъ изображеня, ніе могла тамо допрети, коя би за изображенѣ духа ньювогъ нужна была, него им е дѣйствиелни законъ потребан быо, а будуѣи да свеблаги Творацъ недостатке дѣйства по за-

кону свога управленя, свагда подпунява, зато є провиденѣм своим премудрим мало пре, у єдном маюшном селцу произвео, од куда се ни найманѣ човечество тако обилном благодаренію надало ніе, међ голим бреговима Іудее, разслаблѣно славног Народа, (премда є из гордости себе божіим називо — баяги да други народи нису божіи — а и дан данашњи се такови малоумни народа налази, кои не взираюѣи на просвештени свой разумъ, да по нѣму себи првенство ягме, но из смея достойни причина себе за такове држе, и у мудримъ столѣтіяма себи первенства име отимаю — но начастъ им, кад се излечити нити желе, нити хоѣю —) мало пре рушеня велим целог манѣславног народа, и то у последньої найсиромашниіой Епохи нѣной, на неки начинъ, кои ће на веки чудесним остати, излило се, и по предѣли землѣ силно разпространило, и то исто божества благодареніе на човечество, због дѣйствителности свое найсветіом силомъ и дан данашњи моѣно дѣйствуе, а заиста би дѣйствовале іошт яче и крепчіе, кад би се по свойствама истине нѣне, основателно, на умъ и сердце човечества употреблявало, шта више под Іуліаномъ роди се позорна игра између найславніег верова-

ня, т. є. найстаріє єретическе и Хрістове, у којої су се о владаню крвно немилостиво и мрзко борили; а зашто? єво зашто, што Хрістовъ законъ с' почетка ніе взираи као законъ човечества, нагонъ любви, и спона свію скупа народа, као сви синови єдног небесног Оца; а друго што учительи, т. є. толковательи основа закона, нису се трудили народима као природну истину толковати; него су свагда скопчавали іошт с' неким као необилазно нужним церемоніама, због кои су народи, особито Грецы и Римняни, несогласія ради разделилисе, єдан другом яму пропасти копаюћи. Поверхность є была тако разширена и ведрa, да кад су десет Народа с' ове поверхности сгрувалесе, други се десет подигло, и тако су сваки дашиѣ промене бывале; до год нису закона Хрістіанског основи яви искипили, и народе ясносѣу своіом потопили, те су тада истом сви по природи почели мислити; а то є промисль Творца; єрбо он само по обличію природе, и по нѣним законима од начала іошт опредѣленим дѣйствує. —

Релігіа не треба да є друго, него цѣль, чрез люде и за люде, будући да сваки човекъ силомъ своіом воображеня, основе истине по могуѣству внутренѣ дѣятелности

овештествовава, камо ли неће народи, кои имаю различне обичае, од кои начинъ мисленя яко зависи, сваки свое основе разума имати, и по њима све свое мисли као по управлячу управляти. — Но да не законъ божій по природи на люде дѣйствовао, никада неби дивіе ондашњи времена народе тако упитомити, нити међ њима редъ и сигурность произвести могао.

Обрѣавно коло времена, дало е истом закону неки други видъ — сад жезаль свештенства, задобіе силу власти такову, да су сви стрепили, и њой се подвргавали. Само кад се опоменемо од столѣтія до столѣтія на ондашнѣ явно управленѣ вере и закона, како е богато велико и снажно было. — Ово е заиста чудо човеческог духа было, и провиденя справа. — Сад истом почну Науке у Европи цветати а стим появленя човеческог духа яснѣ развіяти, шта више отеческе наклоности, свето почитанѣ женског пола, любовь неугасиме слободе, десподство, едан над другим, Религія и ратни духъ, точин поредакъ и торжество све се у едно слѣ, восточно и западно понятіе и наклоности, у духу столѣтія союзи различита свойства, од куда храбрость тірянство и благорододушіе скопча у цело — кое нам се сад види као

лукаво притворство, и опоминѣ нас на ондашню природу и истину. —

Многи овај духъ сѣверне войничке чести са юначко — витижским временомъ Грека сравнюю, но премда су точке приклада наши, ништа маиѣ остае он у реду свиу столѣтїа, чиними се едан и сам себи раван. — Мрачна столѣтїа они времена по свим књи҃гама су описана; сваки изредни (classicus) краснословъ, кои просвештенѣ нашег столѣтїа за найвеѣе човечества држи, има прилику сва столѣтїа над свирѣпством оскудной нравствености и вкусу — у школама, у Државозаседеню, у Храму, у Манастирима, обштем духу човечества, Цеовима, найпосле у колебама, приватним домовима горко тужити, и о просвештеню столѣтїа, т. е. о лакомислености, разкалашству, нѣговом живом воображеню, ладним поступцыма, притворной ячини, бодрой слободи, и о истинитосмртной слабости и изнеможеню под неверованѣм, и разкошству похвално запевати. О том су зрело — свестни Списателя, или болѣ се изразити, просвештениа књи҃ге, Хуме, Робертсона, Иселина, а особито одламци мудрог Вирта, кои є надовставіо Хердеровог духа истоветность, *)

*) Види Fragmente zur Culturgeschichte v. J. G. A. Wirth.

пуне, и заиста 'ће прекрасна Панорама, — како су они свануће и появљѣнѣ просвеште-
 ня из обблочног времена к' божествованю
 и господству душе, т. е. Мудролюбію и
 миру довели, — у дѣйствително вештестве-
 ном великолѣпю показивати се, да ће сва-
 ком човеколюбцу свога времена сердце од
 радости заиграти, и имена ньіова у памте-
 никъ вечити резати, да им се слава ни с'
 пропасѣу вселенне, кое нигда быти не може,
 утаманити неће. —

Ньіово е суштествованѣ и намера он-
 дашиѣга времена, уживанѣ нраави, као спра-
 ва у теченю времена было. Сви еднодушно
 оклеветаю ондашиѣ тако реѣи робство, он-
 дашию суровость благородства, и ондашия
 употребленя — а зашто? — ево зашто,
 што су сви игъ и тереть едан другога носили,
 док се ніе разсула та спона, и тада ни ве-
 ѣега добра, кое е игда Европа могла оче-
 кивати, ни веѣега спасенія! — О добро-
 творна природо, колико си ти времена по-
 требовала док си човечество — а и сама се-
 бе — истом на ондашињи степенъ просве-
 штеня попела, да е себи пронашло и изми-
 слило справе, просвештеню необилазно нужд-
 не. Гдикой продерзливомисленици саняю
 говореѣи: да смо веѣ све справе произна-

шли, а незнаю да би нама требао јошт гвоздени просвештени Уларъ, о ком би код ясала премудре свемоћства природе свезани, само у нѣна по вселенни догађајућасе появљени, примечавали, и тад би истом Франклиновим, Хершловим и Нефтоновим разумомъ обасјати, као што вели Беркелай светлостъ, коју наше најсуптилнѣе чувство у хиляду предмета и боя примечава, срицати и тим истомъ начиномъ прегледъ вселенне натуцати могли. Кои е тай кои се нѣе ондашнѣга времена зачудио, када е човечество различите справе, пређашнѣим столѣтјима непознате произнашло; нѣи вешто на свою ползу употребило, и у вечности путе пре непрелазиме разкрчило, и доказало, да се и окружность ограиченост ума разширити, и пре непостижима, сада постижимим учинити могу. Ако ми тко од мои читателя замеравајући рекне: „Ти све о неким справама човечество воспитавајућим говориш, а не изясняваш се какве су те справе?“ кад би я у намери имао о досадашнѣим измишлѣним справама говорити, то би цео мой век у томе провести могао; но будући да е моя намера справе мисленя толковати, т. е. основе по којима е човечество мислити разсуждавати, и пристойно по правилама ума говорити научило, а тим начиномъ очи ума отво-

рило, кое ни 'су први столѣтія по преимуѣ-
 ству, савршене свое превосходителности
 видносѣу разума прогледале; него су сва
 своя прекрасна преимуѣства слепой судби
 подбадили, да ѿ она кроз пространство
 преимуѣног и сад ѿшт неразвѣног сверазу-
 мѣя, єдним истим путемъ и миліонъ реди —
 на подобіе Израилтяна по пустиньѣ тумара-
 юѣи — проваѣа. — А зашто є то све тако
 збитисе морало? докле ли є човечество себе
 тако од следе судбинѣ по тамѣ неразвѣени
 преимуѣства воѣати допустило? на ово се
 пристойно свестно разумном мысленю овако
 одговорити може: дотле, док нѣ разумъ
 човечества своя превиспрена воображеня по
 законима мудрим у овештествованя дѣйстви-
 телность ставіо, и красоту ячносвестіа при-
 родну упазіо, за нѣом премда с' почетка
 насумце, као дете за шареном лоптомъ,
 тежіо; но доцнѣ искуствомъ уверен, будуѣи
 да му є она показала путе, кое воде чове-
 чество ко найвеѣем савршенству, гди свебла-
 ги свемиловитви творацъ и отацъ наш все-
 ленни, непрестанно дѣйствујуѣи себе вну-
 треннѣ познавати допушта, а чрез то и са-
 мо себе — и заиста сѣясет є година проуи-
 ло, док є човекъ до тога дошо да може
 узвиком реѣи: я сам наличіе божества, я и-
 мам преимуѣство слободног мисленя и неза-

висиме волѣ, из кои благополучіе извире. Я сам се прилюбю у друштво човечества, да сложним силама, кое су у природи и яче, ум мой просветим и ясности мое свестним постанем, притоме да се трудим, и настоим како би човечеству на ползу — од кога сам и я гранчица быти мого. — О та пресрећни 'су они и благополучни, кои 'су могућность внутрено напрезаюћи сила свои овештествовали и цветомъ разума дѣла своя човечеству посвећена накитили, и вкуснимъ плодомъ ясносвестія гладне наранили, (да се испуни желя Спасителя) — а камо срећа, да нам се Хердери, Франклини, Шедіуси, Доситеи Чойковићи, Канти, и Нефтони почесће — вечна им слава! — рађаю, кои су нам права Справа просвештєня душевног. Но ништа без времена быти неможе. — Кои є тай, кои ће внутренѣг напрезаня у духу човечества степенъ опредѣлити? — Камо ли такови кои ће измерити дужину путова, по кои човечество, у различите струке подељно, на пресек тежи, да на нѣму све скупѣ една паметъ, едно сердце, една єдрина, една воля по образу и по подобію божества, заогрнувши япунце среће и благополучія постане? — Како год што природа у вселеном свом створеню безчисленну различность у єдинство скопчава, тако исто и облагоро-

ђено човечество остае на животинѣи у нама накаламљно. Разумъ углађуе и утврђава по могућству нашега телесног разположеня мисленость и осетљивость, а нравственна воля опредѣлюе разумъ ко найвышшой цѣли човечества. Наше биће мисль и поступци, зависе од наше животности, али ми ню зато опет управлямо, кое ће рећи: „Животность е сила изобразима, а човечество е овештествован видъ слѣдственне изобразимости. —

Но дай да проговорим штогод и о високой слави *) човечиѣга разума. Разумъ човечества спочетка е слабо на обшту промену света дѣйствовао до год не силе свое движени на човечества воспитанѣ **) и просвѣщенѣ упрегао, коме су се пре люди и сами противили неувидѣћи ползу и сређу не само за духъ човечества, но и благостоянне свию общества, на кругу земном обитавајући, а доцнѣ сва своя напрезаня само на то управляли, како ће подпомоћи разумъ, да се лагше к' цѣли своіой залети, са свию 'су га страана обилно раацили и неговали, пак опет гди е ту е, баш ни ганути, догод се

*) *Gloire de l'esprit humaine, ses progres, revolutions, son developpement, sa creation etc.*

**) Види *Versuche über die Geschichte der Menschheit von Heinrich Home*, на страни 30—98, *Das Wachsthum der Vernunft.*

не роди у свету и баш за време — кои га е
скрозђу провидіо — Мужъ, и бодрим сво-
им окомъ разума кроз Светъ не прогледа,
увидивши причину, из гласа торжественно
у Светыняма не повикну: „Браћо! — огра-
„ну пролеће, земля богата недра своя од-
„кри, сунце сійну, а биля новонеизброима
„ничу, доста сте у тами цвилили — ... Ю-
„ришомъ за истиномъ! — загрлите истину
„спасителъву, правду Божественну, и бу-
„дите Разуму Божества, а не суеверію
„простака, верни! — Ово е вечна Божества
„воля, а воля нѣгова света е, тко за ньом
„узтежи спасен будет!!!... — “

Зрно поученя паде у сердце и душу чо-
вечества, разум га оснажи и угрея, оно на-
бубри, ниче, изниче, одрасте и разгранасе;
а досада мирни и умртнути напредакъ чо-
веческога Духа ко просвештеню света по
путаньи разумства, коя е већ духомъ свое-
ясносвестія накићена была у природи про-
живну. — ...! —

Пак шта е сада? хиляду заала роде се
из благородне намере просвећеног снажног
и провидећег' духа, кои е као прекрасни
цветъ величественог Творца небеснога си-
ломъ и моћію оснажен, те истиним човеко-
любіемъ и у самой усиреной леденой крви
у плод се претворио, да зрелосћу своіом у-

морно боренѣм човечество засити и нѣга ко среѣи и завештаню првобитног свога благодѣя, кои є познао истину и правду Спасителя славно и велехвално одведе и препоручи, да лебди и чува плодъ преимуѣства разумног' како би човечество а у нѣму човека среѣомъ и благополучіемъ подиго и оснажіо.

Духъ свезнанства у световма вековечно трає и дѣйствує, а како?... — обштом' вольомъ разума човечества, — да л' насилно? ая: но тек любопитно; ербо му є уліо у душу и сердце еднакостъ и едноталчїє природовѣрнога закона основе, по кои сили и дѣйству просвештенѣ душе и обштега духа у човечеству ма по коим странпутицама тумарало огранути и засїяти мора. — Ово показує и саме природе дѣйствителностъ и овештествованѣ, ово доказую примери у човечеству. —

Срамота за човечество, да се нїє и пре потрудило иго и тїрянство, из тек незозрелог ума проиштицаюѣе изтребити и утаманути, срамота велим, да су іой народи човечества због обштимъ духомъ и теломъ казнъ свое невиности у природной истини одраанѣне, презиранѣмъ и угнѣтаванѣмъ мучени огорчени бывали а и сада бываю; — Срамота є да се од кѣри свое одономад истом за духъ мудрога човечества удате,

правой чистой и простой мудрости учи и поучава, и увидеши нѣну мудрость, па и припознавајући одрођава, него у старим и обрастнутим стровалинама угнѣтаним духомъ снабдѣна блеи на сѣверь, да би іой избавитель до мача разума дорасто и од ига невежног и тавног управленѣмъ и вештиномъ, бриткость нѣгову у овештествованѣ привести могао, стим засведечавајући, да е он управо ступь, около кога се за сада цело човечество као вито и обрѣе и обвія. — Камо? гди е тай? кои е то пре и помислити смео? — нема га!...? не заиста...! па гди 'су праве причине? — Ево ій! — Мудри устави, познаванѣ закона природног у човечеству дѣйствующег, и разшириванѣ граница, да напрезанѣ човеческога духа свагда толико места има, да се по дѣйствителности свое преимуѣству развіяјући ни на чему потакнути не мора, на чему би се задржати нагонило: ербо би таковим начином све силе една другу стизале, да би надвладајући непокретность вештества на различите удове раздирало, а стим уништожило не само видъ т. е. форму, но и свою единиту истоятность, мудри велим устаави, кои су баш овештествованѣ разума управляюћег, ал за човечество полезни и управо нуждни!!...? — Камо такови, кои 'ће сѣвера узрасть, нѣ-

гове силе, поступену величину и напрезаня дѣйствителни сїйла нѣгови с' причинама — разбивши и саме дври тайни поступака — описати; а од куда е почео свою величину нама познатом чинити, кад су скорбна времена спочетка тек у найнуждним потребама и свойственом осеѣаю состоявала се; юшт скорбнїя времена, кад е влада у гнусном самовольству, разярена духом душманства себе сама уничтожавала; — найскорбнїя времена, кад 'су гране и стабла човечества величину нѣгову са свим припознали, и тада за умалити ю и уничтожити восторжним силама духа и мишице подигла се, ал тко ће мену природе и свладаюће силе надюначити, кад су већ непобедиму снагу у мишицы вешто по наумству употребити умеле, премда и човечество у целости к' савршенству тежи, ер е то и целе вселенне внутренѣ свойство, да тежи и напредуе по могућству сїйла свои, и нѣювом овештествованю к' правом савршенству, да у вечности цѣль докучити може; — свамоћна дѣйства, и нѣюва напрезаня, без вештества поред све свое самобытности, была би нам са свим непозната, а зашто то? — Ево зашто; будући

Да свою дѣятелность у самцитом вештеству движимосћу показуе, а чрез то и нѣю-

ва свойства по различности моћни сійла управ-
 вляня биваю нам позната, пак зато опет
 сѣверь с' начиномъ живота и нравима по-
 правіо є свое живо осећанѣ народности и чо-
 вечности, кои 'су одпре, у променљивой
 мрзости на сталном средоточию прадедскога
 предразсужденя превіяли се и тамо и 'вамо,
 управо због потайнога начина мисленя уз-
 скога кола, у ком є бодри духъ воображе-
 ня стеснѣн біо, догод ніе крепка моћ чове-
 чія окружность сѣвернога воображеня грани-
 це разширила, и тада є посто човеколюбаць
 и грађанинь света; моћ човечія велим поло-
 жила є целом сѣверном човечеству темель
 среће и напредка, а улила бодрость юначе-
 ства, кое є већ скоро было изумрло и из-
 чезло. — Напротив опет јужнозападно чо-
 вечество, не обзирући се на сѣверь, све си-
 ле ума и тела употребило є да открива но-
 вонепознате круга земнога частице, да би
 лагше, безбрижніе и згодніе живити и ранити
 се могло, — пак є ли намеру своју докучило?
 єсть заиста — єр є постало срећно и несрећ-
 но; — — „срећно“ — будући да є за та-
 ковога себе ценило, мислећи да се у злату
 сребру, и драгом каменю сва срећа човече-
 ства састои, док нису се временомъ очевид-
 ним искуствомъ осведочили, да су 'поред
 стогова злата и каменя тада истом сиромаш-

ни постали, и да се срећа човечества состои у просвештеню душе и свога духа, и у изображеню тела и словесности, те тако, док е южнозападно човечество себе златомъ и серебромъ богатило, дотле е сѣверно у начину мисленя и живота утврдило, од куда су политическо мудролюбие, воспитанѣ, благи обичаи и навичаи произникли, да су членови човечества у шестнайстой години зрели, а у двадесетой и полезни бивати починали, и тако 'су у врелима грудма жаръ любви спрофу кѣри мудрости подпламтили, коя им е благородство чрез гражданство, гражданство чрез свободну волю, тад сва три скупа чрез духъ човеколюбия и човечности окалила и оснажила, да е познало едру и бодру духа и мишице величину, коя е Европу из гнилости ослободила, и у дѣйствиуюће движенѣ ставила, да е свойственным опредѣленѣмъ за видносѣу свога разума ко без душе полетила, и заиста богъ зна у каквое би се бездне среће ил несреће стрменула, ербо е невинну бою стида с' юначкога лица отрла, и у недра венери богиньи на оставу, баш као ягиѣ меѣавском куряку, да сохрани предала, да се не роди бойни властникъ, и невикну гласомъ громовитим „Стан' Европо куд си навалила,“ тад духъ горди зауз данога човечества узбе-

зекнусе, примѣтивши да о уздама, на ползу неколико вештествоможни човечества членова, доѣздю є баш до стрмена пропасти, у којој би опет у тами и невежеству цвилю на срамъ свое дѣятелности у мртвилу и непокретности, трунући и исчезаваюћи. — А тко га є том власћу и бодросћу оснажіо, да тако небоязливо пред летући духъ човечества силан стане? ово є таково питањє, кое потреса свестне ал политическозреле умове, срећна мисленя, развити разумъ, облагорођена сердца, распалћи духъ, кои у пространству човечества по законима свестне памети дѣйствуюћи суди и пресуђує, па вообразимоме и дубокомисленом Хердеру, превиспренном Канту, подсмеятелном Волтеру и досетљивом Жанполу славу и прославу диже, да у вечности вечно прославесе, будући да 'су произнашли са свим нове истине осећаня и вкуса, те су светска Свеучилишта с' новом снагом нову паметъ и ячину духа задобила, а оканула се суевѣрнога мудролюбія, кое у стаю ніє духъ дѣйствующега човечества обячати. — Доста! — ...? О вселенна истинно Божества, коя си причинила, да у Европи сада више добродѣтели има, него є икада до сада было, коя се од данъ на данъ явно и приметително у човечеству разпростире, пак ако овако за вечно-

сти узтрае, то ће када тада цело човечество
сама истинна добродѣтель и правда на све-
вечну славу творца постати, и тада ће ду-
нам ограанути златна времена, у којима 'ће
духъ човечества а стим и само човечество
победославно, снагомъ свемоћности снабдѣ-
но, у светиню божества тежећи, таман пре-
ко границе полетивши, у сійню непостижи-
мость острменѣи на точки изчезаваня нашав-
ши се, разстанакъ своесвестнога духа од
нѣговога вештества искусити, и тада чрез о-
слабленѣ обои, а тим изчезаванѣ на веки
с' жалостним гласомъ (баш као лабудъ) за-
певати: съ Богомъ земљо! съ Богомъ зави-
чай! — па да ли 'ће се преобразити у непо-
стижиміе суштество? овом би се питању ис-
том онда одговорити могло, кад би се свію
могућства овештествована свойства пред по-
стижимости окомъ дѣйствуюћима показала,
и' свою чауру преѣашности по новим закони-
ма дѣйствителни сійла свукла, те кроз про-
странство у сійнѣ мислености дворове доле-
тивши и показала свою моћность у врлини
тварной. — Доста свеће бити што бит' мо-
ра. — !!!...? (!—?).. —

ПОСЛЕСЛОВІЕ.

Повестъ кою сам ти Србине натуцаюћи
написо, прочитавай и повише пути, о нѣой

умствуй, размишлявай, суди, и пресуђуй; пак ако те е Бог свемогући обдаріо, те си и сам вредан о истом предмету и обширніе што написати, незакаси, него се труди, настоявай, и напредуй у наумству твојем. — Я знам да не све у мојој памети, я знам да не све ни у твојој памети, я знам да не све ни у своју паметима, не заиста; ер док е света и вечности, довека ће се о таквом великом предмету имати и моћи шта паметно, као о напредуюћем духу човечества написати и говорити.

Немци, Французи и Енглези зноили 'су се, а и зноесе писаюћи о тако великом предмету. Я признаем а тврдо сам уверен, да мой духъ јошт не сазрео за тако у себи превиспренно дѣло, али сам уверен да неће ни сазрети, но може бити, тек ко зрелости приближити се, па шта ћу кад нисам крив; ербо 'су ми Хердери и Шедіуси япунце усуђеня, заогрнули, и у чамаць природни основа турили, а духу човечества као Аманетъ предали, да ме вози кроз вселенства бурѣ, гди сам приморан онако играти морао, како ми е свирао. — Но фала им, и ва векъ фала; ер би иначе остао затупљено чедо природе, нити би умео тако ценити овештествовану волю божества. — Србчад браћо моя и Пештанског Свеучилишта Юности! шта е

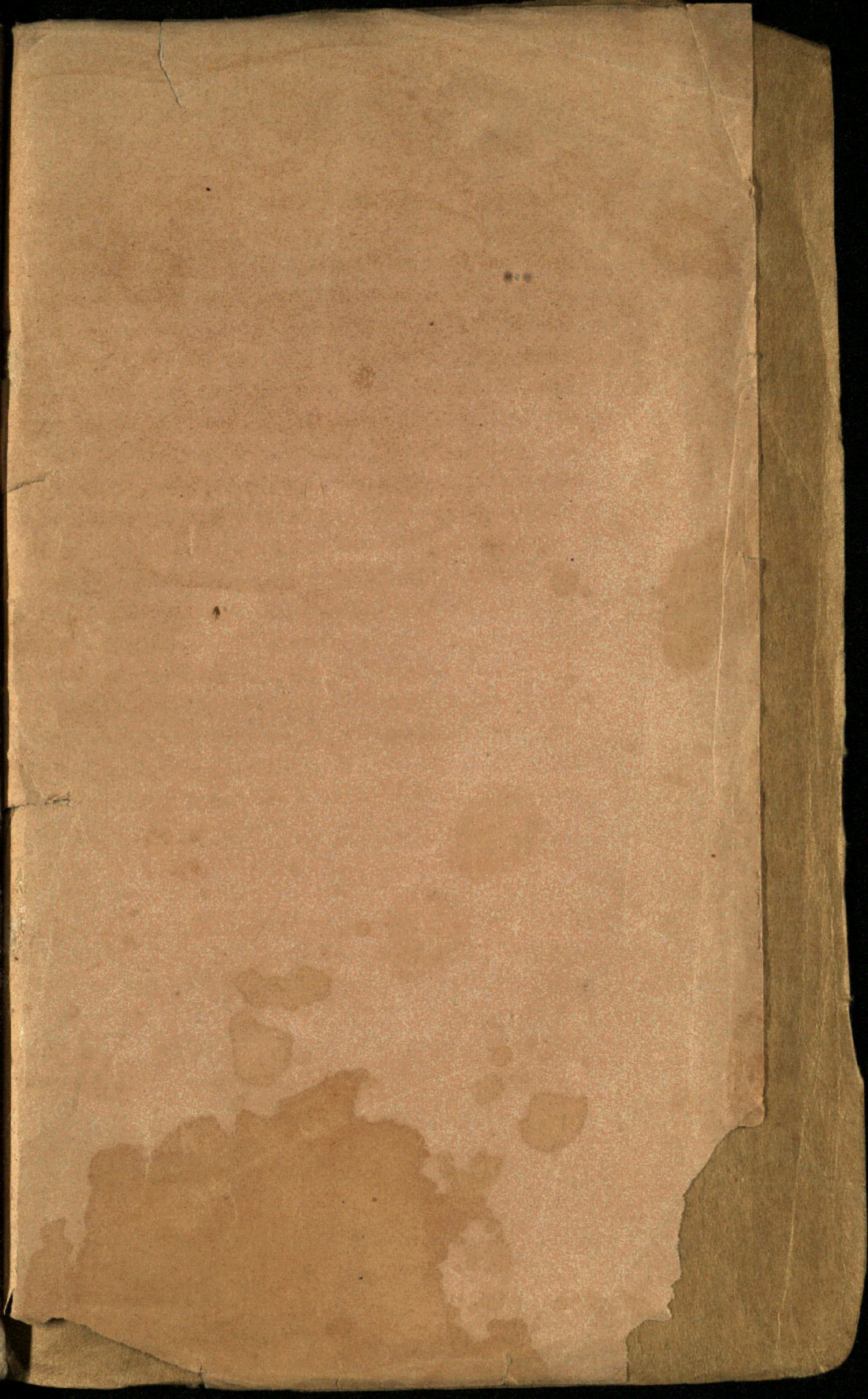
то? шта сте наумили? да ли сте се одрекли Србства и Србствованя? те сте угнилили духъ напрезаюће учености!? —...? — шта се криете од зраака сунчани? — изиђите! — изиђите на сусретъ, на сусретъ Богиньи Мађарске, разширите руке! обколите мудраца човечества, — отворите са радосћу двери ува вашег, и слушаите мужа — вечна му буди слава! — Мужа браћо Лудвика Шедіуса, кои вас люби и милуе, воспитава и поучава, просвећава и руководи у храмъ божества, у храмъ истине, у храмъ природе, да ю познате, о ньой умствуετε, и постигнете испитаваюћи нѣну првобытну силу, законе вселенства, законе краснословія, законе лепоте, законе велим ясносвестног ума човечества. — Кам' гди су она времена, кад су Србчићи у ванредовном краснословія предаваню златно време напяюћи духъ ясносвєстіємъ своевольно и радо проводили? кам' гди су она времена, кад є Шедіусъ обколѣи Србчићем при толкованю од радости — пун у сердцу духа душевног — у восторгъ долазіо и многа яви непостижила, понятно постижи-ма толково, кам' гди 'су она златна времена? кад 'су основи краснословія и усну Србчету по уму пливала, нѣга напаяла, доила, снажила, — кам' гди су Терлаићи, Соларићи, Мушицки, Светићи, Стефановићи, Сто-

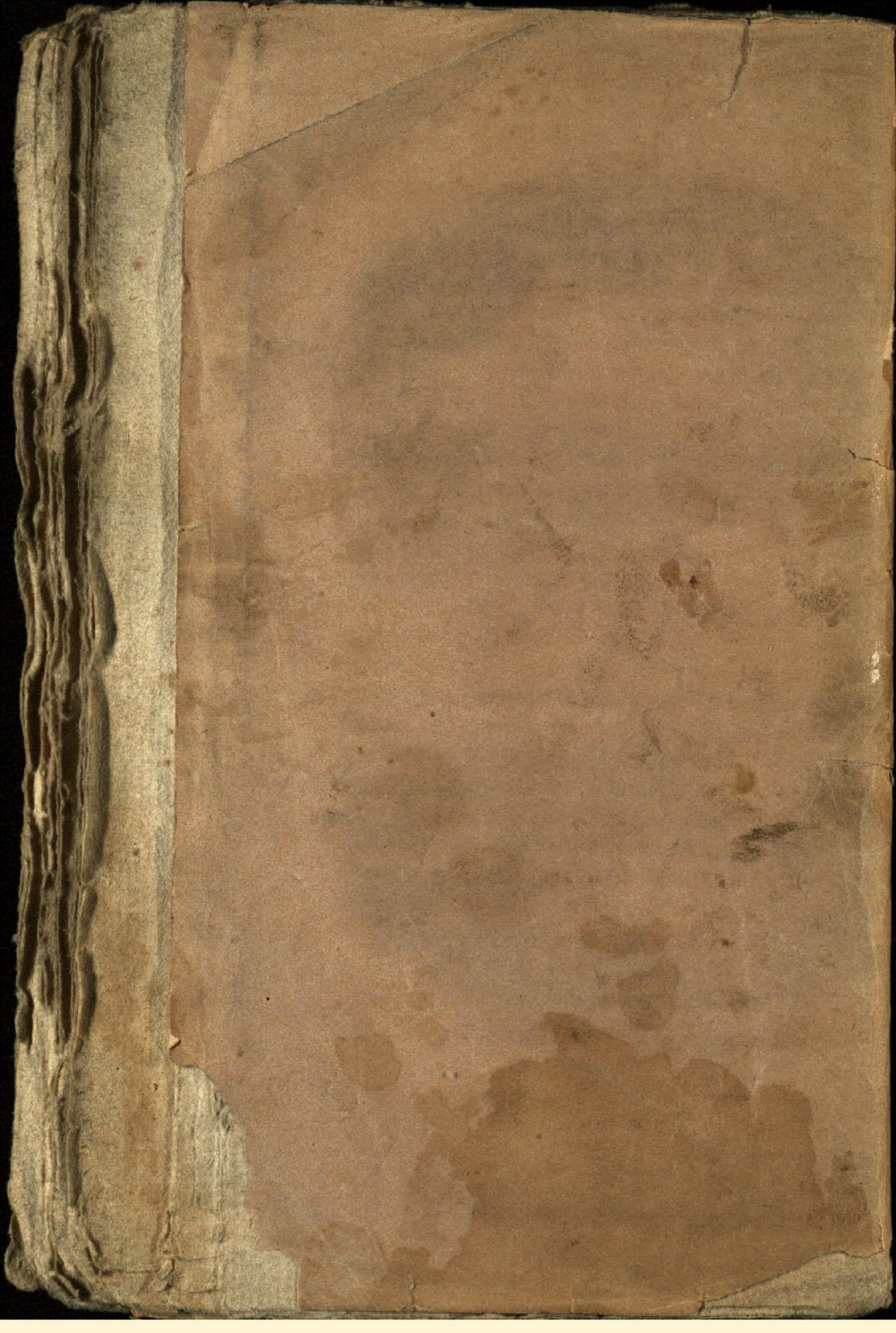
яновићи, Чикоши, кои су зором на боже-
ствени изворъ краснословія ревности утр-
ком яздили на поклоеніе мудром Свештени-
ку и просветителю, очи ума умиваюћи, да
би им предразсуденя мрак разгалио се, и
ярке учености зраци засіяли славу и похвалу
даюћи своим виновником. — Но доста, ер-
кад би уверен біо, да би ова моя напомина-
ня у сердцу вашем место задобила, то би
вам и више о ползи краснословія, о Шедіу-
су, кои е управо Музеум учености, писао и
говоріо. — Но ништа зато, примите и ово
неколико речи к' сердцу, и уверени будите
да вам заиста из правог пріятельства говорим,
а опомените се да имате у Србству и више
пріятеля кои вам у виду пріятелства труде
се и настое засведочити истину Наполеонови
слѣдуюћи речи:

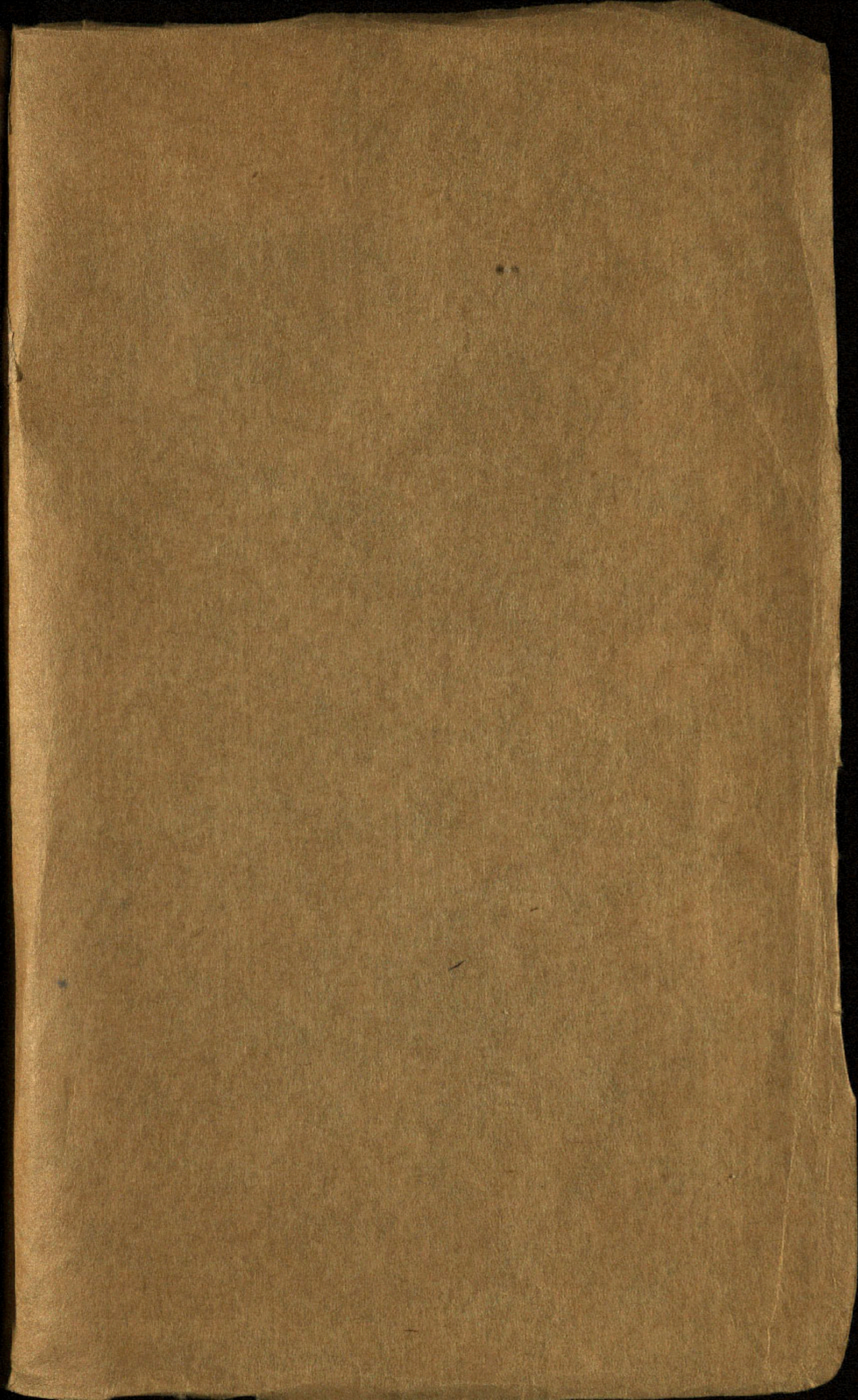
„Chacun se dit ami
Mais fou — qui se repose
Rien ne plus commun que le nom
Rien ne plus rare que la chose.“—

сад с' богом па любви твога искренног прія-
теля

Сочинителя.

БИБЛИОТЕКА МАТИЦЕ СРПСКЕ

РП Ср I 73

1838. 1